

ВВЕДЕНИЕ В ЕВРЕЙСКУЮ ФИЛОСОФИЮ

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Аналогия с Холокостом

Холокост представляет собой болезненный, но наглядный пример того, как религиозные или политические соображения могут в течение всего нескольких десятилетий привести к отрицанию исторического события, известного миллионам людей. Тем, кто хочет отрицать, не помогут ни непосредственные свидетели, ни какие бы то ни было доказательства. То же самое по поводу дарования Торы на горе Синай. Хотя те, кто хочет отрицать, будет продолжать делать это, наше знание о событии, передающееся из поколения в поколение, является абсолютным.

РАБИ ЙЕУДА АЛЕВИ КУЗАРИ

Основа веры – традиция о событиях Исхода и дарования Торы на Синае

11. Сказал ему *рабби*: Мы верим в Б-га Авраама, Ицхака и Яакова, который вывел сынов Израиля из Египта силой знамений и чудес, который питал их в пустыне и даровал им страну после чудесного перехода Иордана, который послал Моше с миссией Торы, продолженной многими пророками, возвещавшими Тору и учившими о вознаграждении, ожидающем тех, кто соблюдает ее, и о каре, грозящей тем, кто ее нарушает. Мы верим во все, что написано в Торе, а это охватывает бесчисленное множество вопросов.

12. Сказал *Кузари*: Я не собирался спрашивать евреев, ибо знал, что из-за жалкого своего положения они забыли о прошлом, а унижения и нищета не позволяют им возвыситься нравственно. Разве не следовало тебе, еврей, сказать, что ты веришь в Творца и Его Провидение, в Того, Кто сотворил этот мир и поддерживает его существование, – такова вера каждого религиозного человека, ради нее он стремится к истине и хочет уподобиться Творцу в Его справедливости и мудрости.

13. Сказал *рабби*: Ты говоришь о религии, основанной на разуме и логических рассуждениях, но она открыта сомнениям. Спроси философов, и ты увидишь, что они не могут прийти к единому мнению ни в мировоззрении, ни в вопросе о желательных действиях. Все, что у них есть, – это только их мнения, часть из которых можно обосновать, другие же – лишь удовлетворяют разум, третьи его не удовлетворяют и уж тем более их в нельзя никак доказать.

14. Сказал *Кузари*: Твои слова, еврей, убедительнее, чем вначале, и у меня появилось желание продолжить нашу беседу.

יא. אמר לו החבר: אנחנו מאמינים באלהי אברהם יצחק ויעקב המוציא את בני ישראל ממצרים באותות ובמופתים ובמסות, והמכלכלם במדבה, והמנחילם את ארץ כנען, אחר אשר העבירם את הים והירדן במופתים גדולים, ושלח משה בתורתו, ואחר כך כמה אלפי נביאים אחריו מזהירים על תורתו, מיעדים בגמול הטוב לשומרה, ועונש הקשה לממרה אותה. ואנחנו מאמינים בכל מה שכתוב בתורה, והדברים ארוכים.

יב. אמר הכוזרי: מסכים הייתי שלא אשאל יהודי מפני שידעתי אבוד זכרם וחסרון עצתם, כי השפלות והדלות לא עזבו להם מדה טובה. והלא היה לך לומר היהודי, כי אתה מאמין בבורא העולם, ומסדרו ומנהיגו, ובמי שבראך והטריףך והדומה לספורים האלה, אשר הם טענת כל מי שיש לו דת, ובעבורה הוא רודף האמת, להדמות לבורא בצדקו ובחכמתו.

יג. אמר החבר: זה שאתה אומר היא הדת ההקשית המנהגית, מביא אליה העיון, ונכנסים בה ספקות רבות. ואם תשאל הפילוסופים עליה איך מוצא אותם מסכימים על מעשה אחד ולא על דעת אחת, מפני שהם טענות, יש מהם מה שהם יכולים להעמיד עליהם מופת, ומהם מה שיספיקו בם, ומהם מה שלא יספיקו בם, כל שכן שיעמידו בם מופת.

יד. אמר הכוזרי: רואה אני דבריך היהודי טוב מפתחתו, ואני רוצה עתה שאוסיף לדבר עמך.

15. Сказал *рабби*: Но то, что я вначале сказал, это уже доказательство, так что более нет нужды ни в каких аргументах.

16. Сказал *Кузари*: То есть как?

17. Сказал *рабби*: Если ты мне позволишь небольшое вступление, я поясню свои слова, ибо вижу, что ты не понял меня и слушаешь с недоверием.

18. Сказал *Кузари*: Начинай, я готов слушать.

19. Сказал *рабби*: Если бы тебе рассказали, что король Индии необыкновенный человек, заслуживающий восхищения и всяческого уважения, судя по справедливости его поданных, их честности и благородным нравам, царящим в стране, – считали бы ты себя обязанным преклоняться перед ним и воздавать ему почет?

20. Сказал *Кузари*: Как я могу быть обязан? Мне не известно, с чем связана справедливость индусов, – такова ли их собственная природа, и, может быть, нет у них короля, или же они справедливы оттого, что у них добрый король, а может быть, верно и то и другое.

21. Сказал *рабби*: Но если бы к тебе прибыли посланцы короля с дарами из Индии, такими, какие могут быть только в Индии в королевском дворце, и с ними письмо, им написанное, а среди даров целебные снадобья для исцеления твоих недугов и укрепления здоровья, а также яды и другие средства, с помощью которых ты можешь уничтожить своих врагов, не прибегая к оружию, могло бы все это обязать тебя по отношению к нему?

22. Сказал *Кузари*: Несомненно. Ибо вследствие этого исчезло бы мое первоначальное сомнение в том, есть ли у индусов король. Кроме того, я поверил бы, что его царство и его слова касаются и меня.

23. Сказал *рабби*: Как бы ты описал его, если бы тебя спросили?

24. Сказал *Кузари*: Я описал бы то, что мне совершенно ясно, и прибавил бы то, что прежде было неясно, но теперь разъяснилось.

25. Сказал *рабби*: Именно так я тебе ответил на твой вопрос. Так же начал Моше говорить с фараоном: «Б-г евреев послал меня к тебе», то есть Б-г Авраама, Ицхака и Яакова, о которых повсеместно было известно, что дух Б-жий общался с ними, руководил ими и творил ради них чудеса. Моше не сказал фараону: «Б-г неба и земли», или: «Меня послал Тот, Кто сотворил меня и тебя». Точно так же Б-г обратился и к народу Израиля: «Я ваш Б-г, который вывел вас из земли египетской». Он не сказал: «Я Творец всего мира и ваш Творец». И так я с тобой говорил, когда ты спросил о моей вере. Я сказал тебе о том, что обязывает меня и весь еврейский народ, который сам убедился в этом воочию, а затем принимал традицию в непрерывной преемственности поколений, которая равносильна опыту очевидцев.

טו. אמר החבר: אבל פתיחת דברי היא המופת, ועוד כי היא הראיה אין צריך עמה לא ראייה ולא מופת.

טז. אמר הכוזרי: ואיך הוא זה.

יז. אמר החבר: תן לי רשות להקדים לך הקדמות, כי אני רואה דברי כבדים עליך ונקלים בעיניך.

יח. אמר הכוזרי: הקדם הקדמותיך ואשמעם.

יט. אמר החבר: אילו היו אומרים לך כי מלך הודו איש חסד ראוי לרוממו ולתת כבוד לשמו ולספר מעשיו במה שיגיע אליך מצדק אנשי ארצו ומדותם הטובות, ושמשאם ומתנם באמונה, ההיית חייב בזה.

כ. אמר הכוזרי: ואיך הייתי חייב בו, ואני מסופק אם צדק אנשי הודו מעצמם ואין להם מלך, או צדקתם מחמת מלכם, או משני הפנים יחד.

כא. אמר החבר: ואם היו באים אליך שלוחי בתשורות הודיות, איך מסתפק שאינם נמצאים אלא בארץ הודו בארמנות המלכים, בכתב מפורסם שהוא מאתו, ועמו רפואות שהן רופאות אותך מחליך, ושומרות עליך בריאותך, וסמי המות לשונאיך והנלחמים בך, שאתה יוצא להם בהם וממית אותם מבלי כלי מלחמה, ההיית חייב להיות סר אל משמעתו ואל עבודתו.

כב. אמר הכוזרי: כן הוא, והיה הספק הראשון סר ממני אם יש לאנשי הודו מלך אם לא, והייתי אז מאמין שמלכותו ודברו נוגעים אלי.

כג. אמר החבר: ואם ישאלך השואל עליו במה תתאר אותו.

כד. אמר הכוזרי: בתארים אשר התבררו אצלי, לעין ואחבר אליהם אשר היו ספק אצלי והתבררו באלה האחרונים.

כה. אמר החבר על הדרך הזה השיבותיך כאשר שאלתני. וכן פתח משה לדבר עם פרעה כשאמר לו אלהי העברים שלחני אליך, ר"ל אלהי אברהם יצחק ויעקב מפני שהיה אברהם מפורסם אצל האומות, וכי התחבר אליהם דבר האלהים והנהיג אותם ועשה להם נפלאות, ולא אמר אלהי השמים והארץ שלחני אליך, ולא בוראי ובוראך. וכן פתח אלהים דבריו אל המון ישראל: "אנכי ה' אלהיך אשר הוצאתיך מארץ מצרים", ולא אמר: "אני בורא העולם ובוראכם": וכן פתחתי לך מלך הכוזר כאשר שאלתני על אמונתך, השיבותיך מה שאני חייב בו וחיוביך בו כל קהל ישראל, אשר התברר אצלם המעמד שהוא בראות עיניהם, ואחר כן הקבלה הנמשכת שהיא כמראה העין:

Невозможно выдумать события, если о них должны были знать массы людей

49. Сказал *рабби*. Но и сам Авраам жил в эпоху разделения языков. Он и его потомки сохранили язык Эвера, поэтому его и называли *Иври* (евреем). Моше пришел через четыреста лет, когда было уже в мире знание о небе и земле. Он обратился к фараону, к египетским и еврейским ученым, и они без конца проверяли его, и спрашивали, ибо не верили, что Б-г говорил с человеком, пока, наконец, не услышали Десять Заповедей. Точно так же с недоверием отнесся к нему и народ, – не из-за невежества, а благодаря мудрости, свойственной ему. Все опасались, не имеют ли они дело с магией, астрологией и тому подобными вещами, которые, как и всякая ложь, не могут устоять при близком рассмотрении, тогда как Б-жественный свет, как чистое золото, с приближением сияет сильнее. Могли кто-нибудь, говоря с ними, выдумать, что все люди, жившие всего каких-нибудь пятьсот лет до них, говорили на языке Эвера, разделившемся затем на много языков в Вавилоне во дни Пелега. Или выдумать, что некоторые народы и их страны связаны происхождением с Шемом или Хамом. Можно ли в наше время выдумать что-либо ложное об известных народах, их истории и языках, если мы отстоим от времени событий всего на пятьсот лет?

50. Сказал *Кузари*. Нет, это невозможно. До нас дошли книги, написанные более 500 лет назад, поэтому о происшедшем с народами, их языками и письменностью 500 лет назад невозможно рассказывать небылицы.

Исход из Египта и Синайское откровение

83. Сказал *рабби*. Но действительность может испугать гораздо больше. Шестьсот тысяч сынов Израиля, если считать мужчин от двадцатилетнего возраста и старше, относящихся к двенадцати племенам, находились в египетском рабстве. Никто из них не бежал в другие страны, никто не ввел в свою семью чужеземца. Они ожидали времени, назначенного Б-гом, который обещал их предкам, Аврааму, Ицхаку и Яакову, что они унаследуют землю Ханаана. Этой землей владели семь процветающих сильных народов, а сыновья Израиля были бедны и угнетены. По приказу фараона их детей предавали смерти, чтобы народ не стал многочисленным и сильным. И все же, несмотря на их слабость, Б-г послал Моше и Аарона, и они предстали перед могущественным фараоном. В их распоряжении были знамения и чудеса, которыми изменяется порядок вещей, установленный при сотворении мира. Фараон не мог ни скрыться от них, ни повелеть что-либо губительное для них, ни оградить себя от десяти ужасных казней, которые поразили воды, землю, воздух, растительность и все живое в Египте, а также тело и душу его жителей. В полночь смерть мгновенно поразила всех первенцев в египетских домах – не было дома, где бы не оплакивали мертвых. Все эти казни были знамением и предостережением. Они происходили в назначенное время и в назначенное время прекращались, чтобы ясно было, что они происходят намеренно, по воле Б-га, и что

מט. אמר החבר: אבל אברהם אבינו עצמו היה בדור הפלגה ונשאר הוא וקרוביו בלשון עבר אבי אבי, ולזה נקרא עברי. ובא משה אחריו לארבע מאות שנה והעולם מלא מחכמת שמים וארץ, ובא אל פרעה, וחכמי מצרים וחכמי בני ישראל המסכימים לו והחוקרים עליו, על אשר לא האמינו לו אמונה שלמה כי הבורא מדבר עם אדם, עד שהשמיעם דבריו בעשרת הדברים. כן היו עמו עמו, ולא מסכלותם אבל מחכמתם, מיראתם תחבולות החכמות השמימיות וזולתם, מאשר לא יעמדו למחקה, מפני שהם כמו הדבר המזויף, והענין האלהי כזהב המזוקק הולך ומוסיף, דינר אחר דינר. ואיך יעלה בדעת שידומה אצלם כי הלשונות אשר היו לפניהם כחמש מאות שנה היו לשון עבר לבדה ונפלגה בבבל בימי פלג, ויחס אומה כך וכך אל שם, ואומה כך וכך אל חם, וארצותם כך. היתכן לאדם היום לאמת אצלנו כזב ביחס אומות מפורסמות ובדבריהם ובלשונותם ויהיה הדבר פחות מחמש מאות שנה.

נ. אמר הכוזרי: זה לא יתכן, ואיך יתכן זה ואנחנו מוצאים החכמות בכתב ידי מחבריהם מחמש מאות שנה, וספור מי שהיה היום חמש מאות שנה לא יעבור הכזב על גולותיו כמו היחסים והלשונות והכתיבות.

פג. אמר החבר: אבל הענין מבהיל יותר, כי היו מבני ישראל משועבדים במצרים שש מאות אלף רגלי מבן עשרים שנה ומעלה, מתיחסים אל שנים עשר שבטים, לא נמלט מהם איש ולא ברח אל ארץ אחרת ולא נכנס ביניהם נכרי, מיחלים המועד אשר יעד בו אל אבותם אברהם יצחק ויעקב שינחילם את ארץ כנען. וארץ כנען היתה בעת ההיא בידי שבע אומות בתכלית הרוב והחזקה וההצלחה, ובני ישראל בתכלית הדלות והעוני ביד פרעה הורג את בניהם שלא ירבו, ושלח משה ואהרן עם חולשתם ועמדו כנגד פרעה עם חזקתו באותות ובמופתים ובשנוי המנהגים, ולא יכול להסתר מהם ולא לצוות עליהם ברע, ולא למנוע עצמו מעשר מכות אשר חלו במצרים, במימיהם ובארצם ובאזורים ובצמחיהם ובבהמתם ובגופם ובנפשיותם, שמת מהם ברגע אחד בחצות הלילה היקר שהיה בבתיהם והחביב להם, כל בכור, ואין בית אשר אין שם מת, זולתי בתי בני ישראל. וכל המכות האלה היו באות באזהרה ובהתראה ובמועד ומסתלקות באזהרה ובהתראה, כדי שיתברר כי הם בכונה מאת אלוה חפץ עושה חפצו בעת שיחפוץ לא מצד הטבע ולא מצד הכוכבים ולא במקרה. ואחר יצאו בני ישראל בדבר השם בלילה ההוא בעת שמתו בכוריהם, מעבדות פרעה, והלכו דרך ים סוף, ומנהלם עמוד ענן ועמוד אש, הולכים לפניו ומנהיגים אותם,

Б-г делает все, что хочет, и тогда, когда хочет, и что причина казней – не природа, не влияние звезд или чар и не случай. В ту ночь, когда смерть поразила египетских первенцев, по велению Б-га дети Израиля вышли из Египта, перестав быть рабами фараона, и, следуя за столбами дыма и огня, которые их вели, направились к Красному морю. Б-жественные старцы Моше и Аарон, вожди и служители этого народа, были старше восьмидесяти, когда стали пророками...

84. Сказал *Кузари*: Это в самом деле б-жественное событие, и все связанные с ним заповеди, несомненно, следует принять, не колеблясь и не опасаясь того, что здесь играли роль чары, обман или воображение. Если бы казни, постигшие Египет, и переход через расступившееся море были плодом воображения, то спасение из рабства, гибель угнетателей и доставшаяся освобожденным обильная добыча не могли быть воображаемыми. Не верить в это можно лишь из упрямства.

* * *

87. Сказал *рабби*: Хотя при виде этих чудес народ поверил в посланничество Моше, в душах людей осталось сомнение, мог ли Б-г говорить с человеком. Можно было подумать, что Тора – это идеи и замысли человека, которым Б-г дает Свою помощь и поддержку. Им было трудно признать, что речь можно отнести к кому-либо, кроме человека, ибо речь – физическое явление. Желая очистить сердца от сомнений, Б-г повелел им освятиться внутренне и внешне, воздержаться от близости с женами, и приготовиться к тому, чтобы услышать Его. Освятив себя, народ достиг ступени, свойственной пророкам, так что все были способны непосредственно слышать Б-жественное слово. Это произошло через три дня. Его явлению предшествовали великие знамения, молнии, и громы, и пламя, охватившее Синайскую гору. Пламя горело на горе сорок дней, и народ видел его, видел, как Моше входил в него и выходил, и слышал, как были произнесены десять заповедей, на которых основана Тора... Народ принял десять заповедей не от человека или пророка – заповеди были ему даны Б-гом. Однако народ не мог, подобно Моше, непосредственно созерцать столь великие явления, но начиная с этого дня народ уверовал, что все, что говорит Моше, исходит от Б-га, что речению Б-га не предшествуют его собственные мысли и суждения и что пророчество ничего общего не имеет с тем, что утверждают философы... Эти ложные утверждения утратили силу после того, как народ был свидетелем великого Откровения и увидел последовавшее за Б-жественным словом: буквы, которыми Б-г начертал десять заповедей на двух бесценных каменных скрижалях, переданных Моше, – Б-жественным письмом на них было начертано то же, что народ только что слышал. Б-г повелел Моше сделать ковчег для скрижалей и для него построить шатер. Скрижали были в руках сынов Израиля все время, пока в народе были пророки, – около девятисот лет, до тех пор, пока народ не согрешил и не лишился ковчега. И тогда Невухаднецар одержал над евреями победу и изгнал их из страны.

89. ...Мы не отрицаем великое Явление, но говорим, что не

онгиדיהם וכהניהם שני הזקנים האלהים, משה ואהרן, היו בעת שנתנבאו בני שמונים שנה ויותר. ועד העת ההיא לא היו להם מצות כי אם מעט מורשה מן היחידים ההם מאדם ונח, ולא בטלם משה אבל הוסיף עליהם. ואחר כן רדף אחריהם פרעה ולא נצטרכו אל כלי מלחמה ולא היו העם מלומדי מלחמה, ובקע את הים ועברו בתוכו וטבע בו פרעה וחילו והשליכם הים מתים ליעני בני ישראל. והדבר ארוך וידוע.

פז. אמר הכוזרי: זהו הענין האלהי באמת, ומה שנתלה בו מן המצות ראוי לקבלו כי אין נכנס בלב מחמתו ספק לא מכשפים ולא מתחבולה ולא מדמיון, ואלו נדמה להם הבקע הים ועברם בתוכו, ידומה להם הצלתם מן העבדות ומות מעבידיהם וקחתם שללם והשאר ממנום אצלם, וזה עקשות מאפיקורסים.

* * *

פז. העם, עם מה שהאמינו במה שבא בו משה אחר המופתים האלה, נשאר בנפשותם ספק, איך ידבר האלהים עם האדם, כדי שלא תהיה התחלת התורה מעצה ומחשבה מחמת אדם ואחר יחברו עזר ואומץ מאת האלהים, מפני שהיה רחוק הדבור בעיניהם מזולת אדם, בעבור שהדבור גשמי. ורצה ה' להסיר הספק הזה מלבותם וצוה אותם להתקדש הקדושה הצפונה והגלויה, ושם הדבר הנחוץ בה, פרישות מן הנשים והזמון לשמוע דברי האלהים. והתקדש העם, ונזדמן למדרגת הנבואה, אף לשמוע דברי האלהים פנים בפנים. והיה זה אחר שלשה ימים בהקדמות אותות גדולות מקולות וברקים ורעמים ואש ששבבה את הר סיני, ונשארה האש ההיא ארבעים יום רואין אותה העם, ורואין את משה בא בתוכה ויוצא ממנה, ושמע העם דבור צח בעשרת דברים, הם אמות התורות ושרשיהן. אחד מהם מצות שבת, וכבר קדמה מצותו עם הורדת המן. ואלה עשרת הדברים לא קבלם ההמון מאנשים יחידים ולא מנביא, כי אם מאת האלהים נתנו, אבל לא היה בהם כח כמשה לראות הדבר הגדול ההוא. והאמינו העם מן היום ההוא, כי משה מדובר בו בדבור התחלתו מאת הבורא, לא קדמה למשה בו מחשבה ולא עצה, שלא תהיה הנבואה, כאשר חשבו הפילוסופים, מנפש יזדככו מחשבותיה ותדבק בשכל הפועל, הנקרא רוח הקדש או בגבראל וישכילהו, ואפשר שיתדמה לו בעת ההיא בחלום או בין שינה וקיצה שאיש מדבר עמו ושומע דבריו בנפשו לא באזניו, ורואה אותו במחשבתו לא בעיניו, ואז יאמר כי הבורא דבר בו. וסרו אלה הסברות במעמד הגדול ההוא. ומה שנלוה אל הדבור האלהי מן המכתב האלהי, שחקק עשרת הדברות האלה בשני לוחות אבנים יקרות, ונתן אותם אל משה, וראו אותם מכתב אלהי כאשר שמעו אותם דבור אלהי. ועשה להם משה במצות האלהים ארון והקים עליו המשכן הידוע, ונשאר זה בין בני ישראל כל ימי הנבואה כתשע מאות שנה, עד שמרו העם ונגנז הארון וגבר עליהם נבוכדנצר והגלם.

знаем, как духовное обрело физические формы, как возникло звучащее слово и достигло уха. Нам неизвестно, как Он сотворил то, чего не было раньше, как обратилось в небытие то, что существовало, но у Него нет недостатка в возможностях. Мы говорим, что Б-г сотворил скрижали и высек написанное на них подобно тому, как единым речением Он сотворил небеса. По воле Его скрижали возникли такого размера и формы, какие Он пожелал, и на них были высечены десять заповедей. Мы говорим, что Б-г разделил воды Красного моря, и они встали стеной справа и слева от народа, и путь их был широк и удобен, и земля равна, что можно было идти легко и без задержки. Разделение и воздвижение вод моря и превращение его дна в удобный путь связаны только с действием Б-га, и не было необходимости в орудиях и в промежуточных причинах, в которых обычно нуждаются для действия Его творения. Воды вздыбились по Его слову и приняли желаемую Ему форму, желаемую форму принял воздух, который достиг уха пророка в виде звучащих букв, выразивших то, что Б-г хотел высказать пророку и народу.

90. Сказал *Кузари*: Вполне удовлетворительный довод.

91. Сказал *рабби*: Я не утверждаю, что все происходило именно таким образом. Возможно, что природа происходившего глубже, чем мысль способна охватить, но у присутствовавших возникла вера в то, что происходящее исходит непосредственно от Б-га, так как оно напоминает первичное творение. Так в душе утверждается вера в Тору и в то, что мир имел начало, и в сотворение его Всевышним Творцом, так же как было очевидным, что Он сотворил скрижали и многое другое, – и сердце верующего покинут сомнения, свойственные философам и сторонникам вечности мира.

פ.ט....אמנם הדין עלינו שלא נדחה מה שקבלנו מן המעמד ההוא, ונאמר שאין אנחנו יודעים איך נגשם הענין עד ששב דבור וקרע את אזנינו, ולא מה שברא לו יתברך ממה שלא היה נמצא, ולא מה שהעביד לו מן הנמצאים, כי לא יחסר לו יכולת, כאשר נאמר כי הוא יתברך ברא את הלוחות וכתב אותם כתב חרות, כאשר ברא את השמים והכוכבים ברצונו בלבד, ורצה יתברך ונגשם על השיעור אשר חפץ, ונחרת בהם הכתב בעשרת הדברים, כאשר נאמר, כי קרע את הים ושמהו לחומות עומדות מימין העם ומשמאלם, ומסלות מסודרות ורחבות וארץ ישרה, ילכו בה מבלי טורח ולא עכוב, וכן הקריעה והבנין והתקון מיוחס אליו יתברך, לא נצטרך בו אל כלי ולא אל סבות אמצעיות כאשר יצטרך בפועל הברואים, כי המים עמדו במאמרו ונצטיירו בחפצו, וכן יצטייר האויר המגיע אל אוזן הנביא בצורות האותיות שהם מורות על העניינים שהוא חפץ להשמיעם אל הנביא או אל ההמון.

צ. אמר הכוזרי: זאת הטענה מספקת.

צא. אמר החבר: ואיני גוזר שהיה הענין על הדרך הזה ואולי היה על דרך יותר עמוק ממה שיעלה במחשבתי אך העולה מזה, האמנת מי שראה המעמדות האלה כי הענין ההוא מאת הבורא מבלי מצווע, מפני שהם דומות לבריאה הראשונה והיצירה הראשונה, ותאמין הנפש בתורה הנתלת בהם עם האמונה כי העולם חדש וכי ה' בראו, כמו שהתבאר שברא הלוחות והמן וזולתו, ויסורו מלב המאמין ספקות הפילוסופים ובעלי הקדמות.

РАМБАН: ЗНАНИЕ, ПЕРЕДАВАЕМОЕ ПО ТРАДИЦИИ ОТ ОТЦА К СЫНУ, РАВНОСИЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ОЧЕВИДЦЕВ

Дварим 4: 9-10

Только берегись, чтобы не забыл ты того, что видели твои глаза, и чтобы не ушли они из твоего сердца во все дни твоей жизни; и поведай о них своим сынам и сынам сынов твоих: (10) (О) дне, когда ты стоял пред Г-сподом, Б-гом твоим, при Хорэве, когда сказал мне Г-сподь: собери ко Мне народ, и Я возвещу им Мои слова, чтобы научились они бояться Меня во все дни, которые они живут на земле, и чтобы учили и сынов своих.

Рамбан, Комментарий к Дварим 4:9

Польза от этой заповеди велика. Ведь если бы мы получили слова Торы только от Моше, (то произошло бы вот что). Несмотря на то, что пророчество Моше было подтверждено знамениями и чудесами, мог бы появиться и другой пророк или сновидец, который приказал бы поступать вопреки тому,

דברים פ"ד ט'

רק השמר לך ושמר נפשך מאד פן תשכח את הדברים אשר ראו עיניך ופן יסורו מלבבך כל ימי חיך והודעתם לבניך ולבני בניך: יום אשר עמדת לפני יקוק אלהיך בחרב באמר יקוק אלי הקהל לי את העם ואשמעם את דברי אשר ילמדון ליראה אתי כל הימים אשר הם חיים על האדמה ואת בניהם ילמדון;

רמב"ן דברים פ"ד פסוק ט

והתועלת במצוה הזאת גדולה מאד, שאם היו דברי התורה באים אלינו מפי משה בלבד, אע"פ שנבואתו נתאמתה באותות ובמופתים אם יקום בקרבנו נביא או חולם חלום ויצונו בהפך מן התורה ונתן אלינו אות או מופת יכנס ספק בלב האנשים,

что требует Тора, и подтвердил бы свой приказ знамением или чудом, – и тогда в сердца людей закралось бы сомнение! Но сейчас, после того, как слова Торы вошли в наши уши прямо из уст Всемогущего, и мы видели своими глазами, что никакого посредника не было, – теперь мы сможем спорить с любым, кто станет отрицать Тору или сомневаться в ней. Мы уличим его во лжи, и ему не поможет чудо, и знамение не спасет его от казни: ведь мы знаем, что он лжет! Именно об этом сказано: «...и также тебе поверят навсегда». (Имеется в виду, что) если мы перескажем это сыновьям, они будут знать, вне всякого сомнения, что все произошло на самом деле. (Они будут уверены в этом столь же несомненно), как если бы все поколения видели все своими глазами. Ведь (ясно, что) мы не станем лгать своим сыновьям, и не станем передавать им в наследство бессмысленные и бесполезные рассказы! И они не станут сомневаться в нашем свидетельстве, но будут уверены, что мы видели своими глазами все то, что сейчас пересказываем им.

אבל כשתגיע אלינו התורה מפי הגבורה לאזינינו ועינינו הרואות אין שם אמצעי, נכחיש כל חולק וכל מספק, ונשקר אותו, לא יועילה אות ולא יצילהו מופת מן המיתה בידינו, כי אנחנו היודעים בשקריותו: זהו שאמר שם (שמות י"ט) וגם בך יאמינו לעולם, כי כשנעתיק גם כן הדבר לבנינו ידעו שהיה הדבר אמת בלא ספק כאלו ראוהו כל הדורות, כי לא נעיד שקר לבנינו ולא ננחיל אותם דבר הבל ואין בם מועיל. והם לא יסתפקו כלל בעדותנו שנעיד להם, אבל יאמינו בודאי שראינו כולנו בעינינו, וכל מה שספרנו להם.

М.Пантелят

НЕРАЗРЫВНАЯ ЦЕПОЧКА ПОКОЛЕНИЙ ОТ СИНАЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ОТ СИНАЯ ДО МИШНЫ

Идея этой работы возникла при любопытных обстоятельствах. В молодые годы, учась в ешиве, я подрабатывал на "Коль Исраэль", в русском отделе израильского радио, вещавшего на Советский Союз. Мне доверили вести еженедельную передачу, посвященную очередной главе Торы. Передача транслировалась в шесть утра, так что слушателей у нее, кроме моей мамы, жившей тогда в Москве, скорее всего, не было. Но поскольку передача по государственному радиовещанию - дело ответственное, даже если у нее нет слушателей, ко мне был приставлен цензор, следивший за тем, чтобы я не злоупотреблял доверием и не протаскивал слишком "мракобесные" идеи. Моим цензором был писатель и публицист Изя Надель, широко известный под псевдонимом Орен, очень симпатичный человек в далеко уже не юном возрасте. Эрудицией он обладал колоссальной. И работать с ним было одно удовольствие. Но цензор есть цензор (хотя и назывался он официально редактором), поэтому нам не раз приходилось сталкиваться, как принято говорить, по "идеологическим вопросам".

Однажды, выслушав его предложение изменить очень важное для меня место в тексте записываемой на магнитофон передачи, я возмутился: "Поймите, Изя, я не собираюсь представлять Тору в качестве памятника древней литературы или фольклора израильских племен периода "разделения царств". Для этого поищите кого-нибудь другого. Для меня Тора - это правда!"

Надель улыбнулся. "Не сердитесь, молодой человек, я расскажу вам анекдот. Один еврей говорит мусульманину: слушай, ты же интеллигентный человек, как ты можешь верить в байки, будто ангел нашептал Мухаммеду на ухо весь Коран? Отвечает ему мусульманин: а как ты можешь верить в байки, будто Г-сподь Б-г Собственной персоной спустился на гору Синай и передал Моисею все заповеди? Еврей воскликнул: но это же правда, *дос из эмес!*"

Анекдот был рассказан кстати, мы оба рассмеялись. Конечно, я понимал, что необходимо как-то возразить, но тогда я еще не знал как.

По дороге в ешиву я продолжал мысленный диалог с моим цензором. Мы действительно утверждаем, что текст Торы был чудесным образом передан еврейскому народу на Синае. Но кто это видел? Где свидетельства или хотя бы намеки на это событие? Можно ли признать в качестве свидетеля по вопросу о происхождении Торы текст самой Торы? Откуда во мне уверенность, что книга, изучаемая мной в ешиве, это та самая книга, которую Творец мира передал пророку Моше? А вдруг все это сказки поколений, живших до нас и далеких от истинно правильных, научных представлений о мире? Заблуждения и суеверия? Раньше этот вопрос меня не волновал. Углубляясь в изучение Торы, я чувствовал "всеми фибрами души", что ее текст - не человеческих рук дело. Но как это доказать? Как объяснить слушателям? Передать другому человеку свои ощущения и сказать - поверь, что это правда, - невозможно. Требуется объективное свидетельство или какое-нибудь другое не менее веское доказательство.

Итак, откуда я знаю, что Тора - это истина? Понятно, что в первую очередь надо проверить тот источник, из которого я черпаю свои знания. Проверить своих учителей!

Раввин, с которым я занимаюсь в ешиве, преподает нам Тору как откровение Творца мира. Он знает, что Синайское откровение - не плод народной фантазии. Он не просто ощущает, он действительно в этом уверен. Уже при первом знакомстве с ним я обратил внимание на его необычное лицо, на котором, и это отмечалось всеми, выделялись правдивые глаза. По-другому не скажешь - именно правдивые: разговаривая с ним, нельзя было ему не верить. Впрочем, скептики возразят, что честный вид человека отнюдь не является доказательством истинности того, что он говорит, - и я с ними согласен.

Но откуда знает о Синайском откровении мой наставник? От своих учителей, и так далее. Иными словами, знание о происхождении Торы я получил по преданию, по традиции.

Вот и ответ! Но по опыту я знал, что он не очень впечатлит таких собеседников, как Изя Надель. Они скептически относятся к преданиям. Конечно, предание преданию рознь. Все этносы имеют свои традиции, эпос, фольклор, причем ученые давно раскрыли природу происхождения этого фольклора. В большинстве случаев за ним скрывается устно-литературное народное творчество. Племена и народы склонны идеализировать свое прошлое. Многие нации сочиняют свое происхождение. Т. е. занимаются прямой фальсификацией истории, что, впрочем, является излюбленным занятием всего человечества. Достаточно вспомнить египетских фараонов. Или фараонов, более близких к нам по времени, - правителей бывшего нашего отечества. Эти занимались фальсификацией сознательно и неудачно. А древние анонимные авторы - неосознанно и очень удачно. Точнее сказать, во многих случаях они не переписывали историю, а писали ее заново, поскольку до них никаких записей не существовало. Они ее сочиняли. Так почему не допустить, что тем же самым занимались древние евреи?

Я не зря обмолвился о том, что кто-то переписывает историю, а кто-то ее сочиняет. Фальсификация возможна только там, где что-то неясно, где события прошедших эпох окутаны туманом забвения, провалом национальной памяти. Там, где все ясно, вставлять в ход истории события, которых никогда не было, очень трудно. Преданиям не доверяют, потому что не знают, откуда они пришли, не могут проследить цепочку их передачи. Но если нам удастся восстановить **непрерывную** цепочку передачи традиции, в которой о каждом поколении будет известно, кто были люди, передававшие информацию, можно будет говорить о достоверности предания.

Приведу такой пример: в 1991 году праздновалось пятистолетие "открытия" Америки Колумбом. Нашлись люди в Скандинавии, которым идея этого праздника не понравилась. Дело в том, что существует древнее сказание, согласно которому норвежские викинги достигли берегов Америки чуть ли не в одиннадцатом столетии. Беда только, что никаких доказательств этих отважных путешествий не осталось.

Как вы думаете, что надо было сделать тем отважным мореплавателям, чтобы, во-первых, оставить свидетельство своего прибытия на далекий континент; и, во-вторых, чтобы свидетельство было достаточно правдоподобным в наших с вами глазах? Вы скажете, им не надо было думать о нас с вами. Повторю вопрос по-другому: что сделали бы на их месте именно вы?

Предложение первое: закопать бутылку с запиской. Или еще лучше - высечь надпись на скале (чтобы в будущем под нее отвели специальный зал в Британском музее). Но самое лучшее - прибыв в Америку, собрать местных жителей и попросить их составить декларацию в пятистах, скажем, экземплярах на шкурах бизонов следующего примерно содержания: "Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что такого-то числа такой-то луны, в таком-то году после великого потопа на реке Потомаке, встретили на берегу Океана, у Большой скалы, бледнолицых людей, которые утверждают, что они прибыли из далекой заморской страны под названием Норвегия". Или что-то в этом роде. Короче говоря, **документ**. Что делаем дальше? Договариваемся, что, подписав его, каждый обладатель одного из пятисот оригинальных экземпляров будет хранить его у себя и передаст перед смертью своему сыну. Тот тоже поставит свою подпись под отцовской подписью - Соколиный глаз или Верная рука - и честно припишет: "Хоть бледнолицых не видел, но слышал о них от отца". Так эта декларация будет передаваться из поколения в поколение, список подписей расти, а сведения о приходе норвежцев в Америку распространяться среди коренного населения. Наконец прибывают первые испанцы, а им - вместо торжественной встречи - показывают хорошо сохранившиеся документы на бизоньих шкурах: опоздали, мол, сеньоры.

Но разговор не о спутниках Колумба, а о нас с вами. Скажите, если бы до нас дошли тысячи таких копий-деклараций с длинными списками подписей Соколиных глаз и Длинных пальцев, считали бы мы по-прежнему, что Америка открыта Колумбом?..

Итак, надо точно выяснить всю цепочку поколений, воссоздать ее! Я помчался к своему учителю, раву Элизеру Кугелю, и спросил, кто учил его Торе. Он ответил, что в молодости занимался у известного брестского раввина, рава Соловейчика, который переехал в Израиль из Литвы в годы, когда в Европе бушевала Вторая мировая война.

Все дальнейшие исторические изыскания я провел сам. Сначала возник вопрос, у кого учился рав Соловейчик. Затем - у кого учились его учителя. Так медленно, звено за звеном, развернулась

вся цепочка передачи еврейской традиции. Описанию этой цепочки и посвящена предлагаемая читателю книга.

Но прежде чем приступить к подробному рассказу о каждом звене нашей цепочки, давайте пробежимся по ней, не вникая во все ее детали. Доберемся ли мы до Синая? И если доберемся, то не попадем ли по пути в некие сказочные области, где скорее царит яркая народная фантазия, нежели то, что мы привыкли называть строгой истиной?

Переехавший в Святую землю рав Соловейчик учился в свое время у своего отца, рава Хаима Соловейчика, пережившего волны Первой мировой войны и революционных смут в России. Рав Хаим прославился как гениальный аналитик. О нем передают, что, пролистав несколько страниц любой сложной книги по исследованию Талмуда, он схватывал ход мысли и метод рассуждения автора и мог предсказать, каково будет продолжение прочитанного на следующих страницах. Рав Хаим Соловейчик учился у Анецива, своего тестя, возглавлявшего крупнейшую в мире Воложинскую ешиву, о которой известно, среди прочего, что ее закрыли по специальному указу царских властей в 1892 году. Анецив - не настоящее имя этого большого ученого, а аббревиатура имени; так часто поступают с именами крупных еврейских ученых, - возьмите, например, имена Рамбама, Раши, Рамбана - все это аббревиатуры.

Наставником Анецива был рав Ицэле Воложинер. Воложинер означает - из городка Воложин; был еще и такой способ получения имени - по географическому принципу. Учился рав Ицэле Воложинер у своего отца, раби Хаима, основателя ешивы в Воложине.

Рав Хаим из Воложина (так его звали - "из Воложина", на иврите *ми-Воложин*) был самым близким учеником великого учителя раби Элияу из Вильны, виленского Гаона, известного по аббревиатуре Агра. *Гаон* значит гений. И действительно, он был одним из самых одаренных, талантливых и умнейших людей во всей еврейской истории. В том возрасте, когда все еврейские мальчики начинают ходить в хедер, он уже досконально знал все Пятикнижие, так что делать в хедере ему было нечего. Пришлось учить его дома под наблюдением отца, рава Шломо Залмана. От него, продолжая двигаться "вспять" по цепочке поколений, мы приходим к его прадеду, маститому ученому раби Моше Равкашу. Тот многому научился у своего старшего товарища, раби Шабтая Коэна, сокращенно - Шах. Оба были свидетелями погромов, учиненных казаками Хмельницкого.

Наставником Шаха был автор книги "Магинеи Шломо", учившийся у раби Йеошуа Фалька, воспитанника известного краковского раввина раби Моше Исерлеса (сокращенно Рама). Успеете ли вы следить за нашим полетом во времени и пространстве? Мы уже в эпохе европейского Ренессанса.

Кстати, все имена великих людей, здесь приведенные, а также связь между ними зафиксированы в их книгах, много раз переиздававшихся и поныне читаемых всеми, кто учит Тору. Так что никто из них не придумывал себе ни особых генеалогий, ни близости к знаменитостям прошлого.

Рама учился у своего тестя раби Шалома Шехны, последователя первого из крупных мудрецов Польши, раби Якова Полака, жившего в трагический период изгнания евреев из Испании в 1492 году. От раби Якова Полака, двигаясь обратно по цепочке поколений, мы добираемся до средневековой Германии, где учились и учили такие мыслители, как рав Маргалиот, Маарай, Маариль, раби Меир из Вены, рав Александр Зуслин, погибший во время погромов 1348 года. Учитель последнего, автор известного труда "Шаарей Дура", учился у Маарама из Ротенбурга, получившего образование в парижской ешиве раби Йехиэля, который в свою очередь прославился как защитник Талмуда на известном судебном процессе в 1242 году. В учебниках истории, по которым мы с вами учились в средней школе, об этом процессе не сказано ни слова. Не будем удивляться - внимание русских историков, специализирующихся на данной эпохе, было отвлечено другим событием - татаро-монгольским нашествием. Оно им казалось более значимым, чем гонения церкви против еврейского Талмуда. А ведь с последними связан целый пласт истории европейской культуры. Эти гонения повлияли на многих мыслителей Возрождения, начиная с Эразма Роттердамского.

Возвращаемся к нашей еврейской цепочке. Если вы еще не устали от обилия незнакомых имен (которые, поверьте, не менее велики, нежели имена их христианских современников), то следуем дальше. Мы уже во Франции, где еврейскими умами властвует плеяда *тосафистов*: раби Й. Шир Лион (учитель раби Йехиэля), Ри-Азакен, рабейну Там (очевидец второго крестового похода), Раш-

бам, Раши (гениальный комментатор Торы и Талмуда). Затем на некоторое время снова возвращаемся в Германию: именно там получил Раши свое образование - в ешиве раби Якова бар Якар, ученика рабейну Гершомы, которого звали *Маор Агола*, Светочем изгнания, того самого рабейну Гершомы, что издал постановление, запрещающее каждому еврею иметь больше одной жены. Им принято еще несколько очень важных законов, но широким массам он известен почему-то именно как авторитет, запретивший многоженство...

Рабейну Гершом, уроженец Нарбонны, учился у последнего из Вавилонских учителей, которых звали *гаонами*. Его учителем был рав Ай, умерший в 1038 году. Движемся вспять, против течения истории, - прибываем в Вавилонию.

Эпоха гаонов, руководителей вавилонских ешив, длилась около пяти столетий. Нам, их потомкам, известны все их имена, но не буду утомлять вас перечислением; о них разговор впереди. Скажу только, что и здесь можно проследить непрерывную цепочку "учитель-ученик", которая поведет нас от гаонов - через три поколения *сабураев* - к последнему составителю и редактору Талмуда, раву Аши, закончившему свой гигантский труд в 430 году. Сабурями как раз и называли мудрецов, которые трудились над его окончательной редакцией.

Имена, которые сейчас надо привести, встречаются на страницах Талмуда, поэтому ни для кого не составит трудности проследить связь между учителями и учениками: рав Аши - рав Папа - Абае - Раба - рав Йеуда. Последний учился у величайшего мудреца по имени Рав. (Собственно говоря, это не имя, а почетное обращение, сродни нашему раввину; некоторые люди достигали такого величия, что их начинали называть просто Учитель.)

Рав прибыл в Вавилонию в 219 году из Эрец Исраэль. Там он учился в ешиве раби Йеуды Анаси, которого звали просто Раби и на котором завершалась эпоха танаев, мудрецов Мишны. (Мишной называется первый свод законов Устной Торы, о ней мы поговорим ниже.) От раби Йеуды Анаси цепочка поколений ведет нас к раби Меиру, ученику легендарного раби Акивы, современника восстания Бар-Кохвы. Раби Акива получил свои знания от раби Йеошуа и раби Элизера, учеников рабана Йоханана бен Закай, предсказавшего во время осады Иерусалима (68 год) римскому генералу Веспасиану, что вскоре тот станет императором. Имя рабана Йоханана вам наверняка известно по трилогии Лиона Фейхтвангера.

Учителем Бен-Закая был великий Илель. Он и его товарищ Шамай (кстати, современники Юлия Цезаря) известны как руководители еврейского народа в эпоху, получившую оригинальное название - "период пар" (тогда во главе еврейских ученых каждого поколения стояли два самых выдающихся по знаниям и праведности мудреца). Начался тот период с Йоси бен Йозер и Йоси бен Йоханан еще во время макавейских войн.

И тот и другой учились у Антигона из Сохо, который в свою очередь был учеником у Шимона Праведника (Шимон Ацадик), который, как сообщает Талмуд, беседовал с Александром Македонским. Шимон-Праведник считается последним из членов "Великого собрания", созданного пророком Эзрой по возвращении из Вавилонского плена (так называется насильственное изгнание, в которое ушли евреи после разрушения Первого храма). Об учителе Эзры, Барухе бен Нерия, нам известно, что он прибыл в Вавилон вместе со всеми иудейскими изгнанниками в 422 году до ныне принятой эры (вы заметили, что мы уже не в "нашей" эре?). Барух бен Нерия был преемником пророка Йирмеяу.

Уходящая в глубь веков цепочка поколений ведет нас уже по страницам Танаха. Цфания, Нахум, Йоэль, Йешая, Амос и другие были не только ведущими мудрецами своих поколений, но и составили пророческие книги, вошедшие в Танах.

По этой цепочке пророков приходим к Илье-пророку (Элияу Анави), а от него дальше - к царю Давиду, о котором известно, что он одинаково владел и мечом воина, и лирой поэта, и пером мыслителя-мудреца. Царь Давид учился у пророка Шмуэля, преемника Эли Акоюна.

Снова сменилась эпоха. Теперь мы - в эпохе Судей. Чтобы не сбиться на простое перечисление имен, которые можно найти в библейской книге Судей, упомяну только, что эпоха началась с Отниэля бен Кназ, ученика Йеошуа бин Нун, преемника Моше (Моисея), того самого Моше, который шестого числа месяца сивана 1312 года до ныне принятой эры вывел еврейский народ из стана к подножью горы Синай. Не только он, но и шестьсот тысяч мужчин - а с ними женщины

и дети - услышали сквозь громы и молнии голос, произнесший перед всем еврейским народом: "Я Г-сподь, твой Б-г, который вывел тебя из Египта, из дома рабства".

Так мы, евреи, получили Тору. Мы - это мои учителя, наше поколение, я и вы. И все, кто еще будут учиться у нас с вами...

* * *

А теперь, что нам дает знание всей этой цепочки? Мы к ней еще вернемся и рассмотрим каждое ее звено подробно. Но только после того как оценим ее значение в целом.

Как правило, большинство моих собеседников и читателей имеет законченное высшее образование. Т. е. так или иначе люди знакомы с такими понятиями, как научный анализ, система доказательств и выводов и пр. Наука тоже получена нашим поколением по неким каналам от тех, кто ею занимается напрямую. Физику и химию мы учили на лекциях и по книгам. Имя первого преподавателя физики, учившего вас на первом курсе азам этой славной, но сложной науки, возможно, вами не забыто. Но у кого он учился сам? То же самое с учебниками. Имя автора вашего любимого учебника по физике, от которого вы не могли оторваться в течение всего семестра, вам и сейчас снится по ночам. Но из каких книг почерпнул свои знания ваш уважаемый и авторитетный автор?

Это просто риторические вопросы. Ответов вы не дадите, да они вам и не нужны. А вот каким образом Тора дошла до нашего поколения через тридцать три столетия, мы знаем точно. И эта передача - не просто уникальное явление в мировой культуре. Значение нашей непрерывной цепочки куда больше и содержательней.

Согласен, о Синайском откровении мы знаем только по преданию, живущему в нашем народе. Но мы знаем, кто, когда, кому и каким образом передавал его на протяжении тысяч лет. В таких условиях, когда каждое звено в цепочке хорошо известно, вставить в ход истории события, которые не произошли, очень трудно, почти невозможно.

Понятно, что место для скептицизма всегда остается. Но согласитесь, точная традиция - не легенда, от нее просто так не отмахнешься. В истории не бывает строгих математических доказательств. В практической жизни, а уж тем более в истории, люди привыкли обходиться куда меньшим уровнем достоверности. По крайней мере, с точки зрения здравого смысла, традиция, идущая по непрерывной цепочке поколений, имеет все права претендовать на достоверность. Именно непрерывная традиция, ибо достаточно пропуска двух поколений - деды и отцы, - чтобы внукам уже пришлось докапываться до всего или по устным сказаниям, или по книжкам.

Знакомство с непрерывной цепочкой передачи Торы делает для нас Синайское откровение куда более реальным событием, чем мы думали до сих пор. Разговор идет о серьезном знакомстве, а не просто о перечислении имен. Ведь нам известны не только имена, но и многие биографические подробности, черты характера, взгляды и взаимоотношения тех людей, которые донесли Тору до нас. Когда эстафета поколений предстает перед нашими глазами, слова о том, что МЫ получили Тору на Синае, уже не кажутся парадоксальными. Нужно только познакомиться с материалом. Собственно говоря, этому и посвящена весомая часть нашей книги.

Следует только напомнить важнейший факт: основой иудаизма является именно Устная Тора, переданная еврейскому народу на Синае. Устное учение должно передаваться от поколения к поколению без перерыва. Нам нужно восстановить всю цепочку поколений, по которой дошла до нас Тора, и проверить, действительно ли она непрерывна. Но разрешима ли такая задача? Ответ на этот вопрос мы постараемся найти в материале, который будет приведен ниже.

Эпоха Первого храма

Трактат Пирке Авот начинается такими словами: «Моше получил Тору на Синае и передал ее Йеошуа, Йеошуа - старейшинам, старейшины - пророкам, а пророки передали ее мужам Великого Собрания».

Не вдаваясь в подробности, отметим, что, перечисляя самые первые звенья цепочки, по которой передавалась Устная Тора, составители Пирке Авот указывают на четыре ранних этапа: а) эпоха Моше (1312 - 1272 г. до н. э.), б) эпоха Йеошуа (1272 - 1244 г. до н. э.), в) эпоха старейшин

(1244 - 887 г. до н. э.), г) эпоха пророков (887 - 422 г. до н. э.). Каждый из этих этапов имел свои особенности - как в области изучения Торы и духовной жизни, так и в политическом состоянии народа Израиля.

Эпоха Моше совпала с сорокалетним пребыванием евреев в пустыне, где, как мы помним из текста Торы, не сеяли и не собирали урожай, где питались исключительно *маном* (еврейское слово *ман* в русском языке приняло форму женского рода: «манна небесная»). Чудо с маном было очевидным, осязаемым. Оно сопровождало евреев все время, пока они, выйдя из Египта, занимались изучением только что полученной на Синае Торы. Народ ее учил, и Тора каждый день представляла перед учениками в новом свете, постоянно пополняясь новыми заповедями и законами. Пророческий дар Моше, т. е. его прямой контакт с Б-гом, был настолько велик, что, в отличие от других пророков, он мог по собственной инициативе «устанавливать связь с небесами». Так что, каждый раз, когда возникал сложный вопрос, Моше обращался непосредственно ко Всевышнему. Например, в книге «Бемидбар» (см. гл. 27) рассказывается о дочерях некоего Цлофхада, потребовавших себе при разделе Земли Израиля долю умершего отца: «Наш отец умер в пустыне... и сыновей у него не было. Почему же будет исключено имя нашего отца из среды его семейства из-за того, что нет у него сына? Дай нам удел среди братьев нашего отца». И Моше представил их дело Всевышнему. Написано, что сказал Всевышний: «Справедливо говорят дочери Цлофхада, дай им надел среди братьев их отца...»

Каждая новая заповедь тщательно изучалась и обсуждалась, чтобы остаться в неизменном виде в памяти народа. Так продолжалось сорок лет. Наконец, Всевышний сказал Своему избраннику (Бемидбар 27:12): «Взойди на гору Ааварим и посмотри на землю, которую Я дал сынам Израиля. Посмотрев на нее, приобщись к своему народу...» Моше уже знал, что ему не суждено перейти через Иордан и войти в обещанную Страну. И вот теперь настал его срок. Еще он знал, что сейчас должен решиться вопрос о его преемнике. Где-то в глубине души у него теплилась надежда, что руководство над еврейским народом перейдет к одному из его сыновей. Читаем (Бемидбар 27:15): «И сказал Моше Всевышнему: Да назначит Г-сподь Б-г, (Творец) душ всех людей, мужа над этой общиной... чтобы не уподобилась Б-жья община овцам без пастыря». И сказал Г-сподь Моше: «Возьми себе Йеошуа бин Нун, человека духа, и возложи на него свою руку». Как видим, надежда Моше не оправдалась - преемником был избран не его сын, а Йеошуа, самый верный из его учеников, полностью посвятивший себя изучению Торы и никогда не выходивший из шатра Моше, где жадно ловил каждое слово учителя. Как говорят мудрецы: «Кто стережет смоковницу, тот и ест ее плод».

После смерти Моше Йеошуа взял бразды правления в свои руки. Его эпоха продолжалась 28 лет. (Трактат Пирке Авот, указывая его имя в первых своих строках, которые мы только что привели, понимает под ним целую эпоху, а не просто еще одно звено в цепочке поколений.) Перед Йеошуа стояли две основные задачи: обеспечить изучение Торы, передав ее потомкам, а также завоевать Эрец Исраэль, Страну Израиля. О том, как он справился со второй задачей, рассказано в Книге Йеошуа, первой из *Невиим*, Пророков. (Традиция сообщает, что ее написал сам Йеошуа.)

Любопытно начало книги: «И было после смерти Моше, Б-жьего раба: сказал Г-сподь (обращаясь к) Йеошуа бин Нун, слуге Моше: Моше, Мой раб, умер...» Согласитесь, странное начало. Для чего понадобилось Всевышнему сообщать Йеошуа, что Моше умер, ведь тот, как все остальные евреи в стане Израиля, знал об этом. Тем более, он был его ближайшим учеником. В чем же дело? Устное предание рассказывает, что, пока длился тридцатидневный траур по Моше, были забыты до трех тысяч законов (*алахот*). (Побочный вопрос: почему они были забыты? Потому что было прервано ежедневное учение Торы. Умер величайший пророк, все отмечали траур. А во время траура запрещено заниматься Торой, потому что она радует душу человека. Итак, никто из евреев целый месяц не учил Тору. В результате, забылось множество важнейших законов.)

Йеошуа знал, что сделал бы его учитель в таком случае, - он бы обратился ко Всевышнему. Так поступил и Йеошуа. Он обратился к Тому, Кто дал евреям Тору, с просьбой вернуть забытое. Вот тогда и последовал ответ: «Моше, Мой раб, умер». Это значит, что эпоха Моше - период дарования Торы - завершилась.

Тора была дана однажды. Она неизменна, ее нельзя «досочинить» или «доисправить». Как нель-

зя «досочинить» природу. О Торе сказано (Дварим 30:12): «*Ло башамайим и*, - Не на небесах Она». Вся Тора, которую пожелал даровать людям Всевышний, была дана Моше на Синае, - на небесах не осталось ни одного недосказанного слова.

Йеошуа тоже обладал пророческим даром, т. е. способностью прямого общения со Всевышним. Однако его дар не мог быть использован для введения новых или восстановления забытых законов, подобно тому как было во времена Моше.

Отныне Всевышний не будет раскрывать ни новых, ни забытых «старых» заповедей. Что же делать с забытыми? Восстанавливать их! Но как? Выводить из имеющихся законов Устной Торы и из текста Письменной Торы, пользуясь логикой и известными способами толкования. (Всего этих способов, или методов, ровно тринадцать; они тоже получены как часть Устной Торы.)

«Возвращение» забытых во время траура по Моше законов проходило под руководством Йеошуа, но основная работа была возложена на мудреца по имени Отниэль бен Кназ. Он успешно справился с нелегкой и важной работой. Став после смерти Йеошуа его преемником, он руководил еврейским народом на протяжении сорока лет.

Отниэль открывает следующую эпоху, которую трактат Пирке Авот называет эпохой старейшин. Повествует Книга Йеошуа (23:31): «И служил Израиль Г-споду во все дни Йеошуа и во все дни старейшин, которые долго жили после Йеошуа». Согласно простому прочтению, старейшины, упомянутые в этом стихе, - сверстники Йеошуа, жившие еще после его смерти. Но комментаторы указывают, что здесь имеется в виду более длительный период, продолжавшийся более трех столетий. «Старейшины, долго жившие после Йеошуа» - это целый отрезок еврейской истории, известный под названием периода Судей. Название указывает на принятую тогда форму правления. Действительно, царской власти в Израиле в те годы не было; страной правили судьи, руководствующиеся исключительно законом Торы. В современных трудах по истории и политическим наукам такой способ правления принято называть теократией. Мы говорим о власти Судей, подразумевая при этом, что истинным властителем являлся только Всевышний, а законом, на основании которого осуществлялось правление в стране, была Тора, полученная на Синае. Строго говоря, каждый правящий Судья своего поколения был главой Центрального раввинского суда. Со временем этот суд получил название *Санедрин*; в нем окончательно разрешались все сомнительные и спорные вопросы закона.

Заповеди Торы касаются всех сфер человеческой жизни, поэтому Судьи, главы Санедрина, несли ответственность за реализацию всех установлений Всевышнего, а не только тех, что касались личной жизни граждан, т. е. в их компетенцию входили все проявления общественной жизни, включая изучение Торы, имущественное и гражданское право, браки и разводы, уголовное и судебное право, внешнюю политику, социальные вопросы и многое другое. В еврейских источниках той поры можно найти список глав Санедрина, сменявших один другого и перенимавших друг у друга Устное Учение. Вот этот список (составленный по принципу учитель-ученик): Отниэль бен Кназ, Эуд бен Гера, Шамгар, Двора-пророчица, Гидеон, Авимелех, Тола, Яир Агилады, Ифтах, Ивцан, Эйлон, Авдон, Шимшон (силач Самсон) и, наконец, Эли Акоэн, руководивший Санедрином с 927 по 887 г. до н. э. У каждого из Судей были сотни, а иногда и тысячи учеников, так что Тора никогда не становилась уделом узкой элитарной группы. Мы привели имена только тех учеников, кто, будучи самыми выдающимися в своем поколении, после смерти учителей становились главами Санедрина. Нет необходимости подробно останавливаться на личностях этих людей, так как все они упомянуты в *Шофтим*, Книге Судей, следующей за Книгой Йеошуа. Ограничимся лишь несколькими характерными штрихами.

Перед смертью Йеошуа обратился к еврейскому народу с завещанием: «Теперь же благоговете перед Б-гом и служите Ему чистосердечно и искренне. Отвергните божества, которым служили ваши предки за рекою и в Египте, и служите Г-споду. Если же вам не нравится служить Ему, ныне изберите сами себе, кому служить вам: божествам, которым служили ваши предки за рекой, или идолам эмореев, на земле которых вы живете, - а я и мой дом будем служить Г-споду».

Своим пророческим даром он видел то, что произойдет в дальнейшем: часть народа попытается совместить несовместимые вещи - Тору и язычество. Об этом и предупреждает их умирающий вождь: двойственность невозможна, сделайте выбор - одно из двух: или будьте «как все», но без

Торы; или, если хотите жить по Торе, отрекитесь от всякого желания подражать окружающим народам, отвергните язычество в любой его форме.

Потрясенный таким неожиданным требованием, народ обещал: «Нет, мы будем служить только Г-споду!». Но в дальнейшем, как и предрекал пророк, неоднократно нарушал это обещание: время от времени появлялись люди, пытавшиеся совместить служение Творцу мира с элементами финикийских культов. Однако серьезное изучение Торы и исполнение ее заповедей в народе не прекращалось ни на минуту.

Первый приступ увлечения язычеством наступил почти сразу после смерти Йеошуа. В наказание Всевышний отдал еврейский народ в руки арамейского царя Кушана, с легкостью поработившего всю Страну. В это тяжелое время во главе народа становится Отниэль бен Кназ, преемник Йеошуа. Будучи великим мудрецом, он понимал, что еще не настало время взяться за меч. Сначала нужно устранить истинную причину плачевного состояния народа - не политическую или военную, а духовную. Поэтому на протяжении первых восьми лет своего правления он занимался искоренением язычества. Лишь добившись духовного возрождения народа, он почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы решиться на восстание против арамейцев. Евреи под его руководством одержали победу, и следующие тридцать два года в Стране Израиля царил мир.

Однако после его смерти (1204 г. до н. э.) язычество вновь проникло в еврейскую среду и укоренилось в ней. Реакция Всевышнего последовала незамедлительно: крошечное государство Моав сумело в короткий срок подчинить себе многочисленный и сильный еврейский народ. Как видим, проявление Воли Творца в те времена наблюдалось воочию, а не было скрыто за множеством политических деталей и обстоятельств, как в наши дни. Всевышний действовал открыто и явно.

Освободителем Израиля от моавитян стал Эуд бен Гера из колена Биньямина. Его преемник, Шамгар, был верховным судьей всего один год, а после его смерти еврейский народ стала судить Двора-пророчица. Надо заметить, что женщина не обязана изучать Устную Тору, поскольку для ее духовного совершенства предусмотрены другие, более подходящие женской природе средства. Но Двора обладала такими познаниями в Торе, что мудрецы того поколения безоговорочно признали ее авторитет. Впрочем, несмотря на то что в Танахе о ней говорится как о Судье, вряд ли она занимала формальную судебскую должность в Санедрине; скорее всего, судьи и законоучители обращались к ней за разрешением сложных и спорных вопросов, как в свое время - к Моше или Йеошуа.

Следующим в цепочке передачи Устной Торы указан Гидеон, который встал во главе народа в 1084 году до н. э. в самый разгар борьбы с мидьянителями. Вдохновленный пророческим видением, он собрал отряд в тридцать три тысячи бойцов и выступил в поход. Однако Всевышний оставил его (Шофтим 7:2): «Слишком много с тобой народа... Как бы не возгордился передо Мной Израиль, говоря: мы спасли себя своими руками». Гидеон сократил войско до десяти тысяч, но и это было слишком много. В итоге осталось всего триста воинов, с которыми Гидеон ночью напал на стан мидьянитян, застав их врасплох и вызвав тем самым панику. Враги бежали, не подозревая, что имеют дело с горсткой евреев.

Изгнание мидьянитян открывает сорокапятилетний период, в течение которого евреи, покончив с идолопоклонством, наслаждались мирной и спокойной жизнью, изучали Тору и обрабатывали землю. Все эти годы во главе мудрецов стоял Тола из колена Иссахара, а после его смерти - Яир Агилади (уроженец Гилады, горной местности к востоку от Голанского кряжа, входящей в состав Эрец Исраэль). Умер Яир - и язычество вновь подняло голову. Наказание, как было принято в эпоху Судей, не заставило себя ждать: в 964 году Страну завоевывают и делят между собой аммонитяне, наши соседи с востока, и филистимляне, соседи с запада (по-еврейски они назывались *плиштитим*; отсюда, кстати, пошло современное название Палестина, «подаренное» стране римлянами). Начинается период противоборств, угнетений и освободительных войн, в ходе которых выдвигаются новые народные вожди - Ифтах, Ивцан (по утверждению Талмуда - он же Боаз из Книги Рут), Эйлон и Шимшон из колена Дана.

Согласно мнению некоторых авторитетов, Шимшон скорее был военным вождем, чем духовным руководителем. Функции последнего еще при жизни Шимшона выполнял Эли Акоэн (первосвященник Эли), стоявший во главе Санедрина и, как говорят, получивший свои знания не только

от Ивцана и Эйлона, но и от первосвященника Пинхаса, внука Аарона, удостоившегося удивительного долголетия. Впрочем, несмотря на свой авторитет, Эли Акоэн не смог убедить народ в необходимости оставить пути порока. В результате в конце его жизни происходит целая вереница трагических событий: разорение Страны, череда поражений в войнах с филистимлянами, разрушение национального духовного центра в Шило, где стоял *Мишкан* (переносный Храм, сооруженный евреями еще в пустыне). После разрушения Мишкана общественные жертвоприношения, необходимость совершения которых указана Торой, прекратились. Наступило «смутное время».

Человеком, сумевшим вывести Израиль из очередного плачевного состояния, был пророк Шмуэль, ученик и преемник первосвященника Эли, тогда еще совсем молодой человек. С него начинается четвертый этап передачи Торы - эпоха Пророков. Пророки в Израиле - не просто прорицатели будущего, наподобие древнегреческих провидцев и ясновидцев, с которыми мы знакомы по учебникам Древней истории. Еврейский пророк - это человек, достигший исключительного духовного совершенства и максимальной близости к Творцу, а именно: он способен устанавливать с Творцом прямой контакт, в результате которого на него как бы сходят пророческие видения, раскрывающие духовную суть реальной действительности. Само собой разумеется, многие пророки знали и будущее, но то был побочный результат их духовной деятельности.

Многие пророки посылались Всевышним к еврейскому народу с откровенно дидактической целью - чтобы указывать ему на ошибки, упрекать в грехах, предупреждать о жестоких испытаниях, ожидающих Израиль за измену Синайскому союзу. Таким образом предсказания грядущих бед становились известными в народе. Пророки не вещали о том, чего было не миновать, они не ставили евреев перед неизбежным грядущим, перед тем, что определено роком (само понятие рока, судьбы - изобретение греческое, предполагавшее отсутствие у человека свободы выбора, свободы на пути самоисправления; иудаизм утверждает, что на историческом уровне ничего неизбежного не бывает). Еврейские пророки «лечили» народ, предрекая ему то, что ждет его в случае отступничества от Торы. И народ выбирал, каким путем следовать.

Пророчество как явление появилось в нашем народе задолго до рождения Шмуэля. Пророками были наши отцы - Авраам, Ицхак и Яков. Многие люди обладали пророческим даром в поколении, вышедшем из Египта. Сам Моше известен как величайший пророк - через него мы получили Тору. Тем же даром обладали и его брат, Аарон, и его сестра, Мирьям. Пророки не перевелись и в эпоху старейшин, когда пророчествовали Пинхас, Элькана и другие, хотя само явление уже встречалось не так часто, как прежде, во времена блуждания по пустыне.

Однако вслед за Шмуэлем стало появляться все больше и больше пророков, причем со временем они начали играть все более важную роль в жизни народа. Наиболее выдающиеся пророки руководили Санедрином - каждый в своем поколении, превратившись таким образом в звено цепочки, по которой передавалась Тора. Некоторые из них записывали свои пророчества. Те их книги, которые оказались актуальными на все времена, вошли затем в состав Танаха.

С именем Шмуэля связано не только начало нового периода в еврейской истории - периода Пророков, но и одно крупное изменение в жизни Израиля - возникновение власти царей. Именно Шмуэль помазал на царство сначала Шауля, а затем Давида, своего ближайшего ученика и преемника. С тех пор цари и пророки идут в еврейской истории рука об руку. Рядом с царем, наделенным неограниченной властью, всегда оказывается пророк, наставляющий его, предостерегающий от ошибок и злоупотреблений, а иногда и вступающий в открытую конфронтацию со своим государем, если действия того становятся неуютными Всевышнему. Любопытно, что с прекращением царской власти в момент Вавилонского изгнания пророчество быстро утратило свои позиции, превратившись сначала в редкое явление, а затем и вовсе исчезло как элемент еврейской народной жизни.

Вернемся к царям. Давид правил Израилем с 876 по 836 г. до н. э. Люди, знакомые с Танахом, видят в нем мужественного воина, добродетельного царя, вдохновенного поэта, автора непревзойденной лирики Книги Псалмов, *Теилим*. Однако царь Давид прославился еще и как крупнейший мудрец Торы своего времени. В 119-м Псалме он замечает: «Буду говорить о Твоих заповедях перед царями, не устыжусь». Раби Моше Хаим Луцато в книге «Месилат ешарим» поясняет: Давиду «по долгу службы» приходилось встречаться с другими царями, участвовать во встречах с пра-

вителями различных государств. Нетрудно себе представить, как проходили встречи нескольких ближневосточных владык: нескончаемый обмен любезностями, политика, угощения, разговоры о лошадях, войнах, охоте... Но что делал царь Давид на подобных встречах? Заводил разговор о Б-ге, о Торе и ее заповедях, о добре и справедливости... Нет сомнения, что его собеседники не раз недоуменно переглядывались между собой, но Давид не обращал на это внимания: «Буду говорить о Твоих заповедях перед царями, не устыжусь»...

Следующее звено в цепочке поколений - Ахия из Шило, переживший многих учеников Давида, в том числе его сына, Шломо (Соломона), царя Страны Израиля, названного мудрейшим из людей, строителя Иерусалимского храма. Ахия сыграл немаловажную роль в расколе еврейского государства, когда после смерти Шломо (796 г. до н. э.) десять северных колен Израиля отделились от царского дома Давида и образовали свое независимое государство.

Со времени раскола Израиля на два государства жизнь в каждом из них (в сферах политики, экономики, быта и пр.) текла по-разному, но главное оставалось общим - изучение и углубление Устной Торы. Что, впрочем, не помешало появлению новых негативных моментов. В то время как пророчество проявлялось все еще повсеместно и к нему относились как к чему-то обыденному, серьезные проблемы назрели в области исполнения заповедей. В Северном десятиколенном царстве произошло крупное нарушение одного из законов Торы: желая укрепить свою власть, основатель Северного царства Йеровам предпринял попытку отвадить своих подданных от Иерусалима, столицы Южного царства, где по-прежнему правили потомки царя Давида. Евреи обоих царств относились к Иерусалиму как к своему национальному духовному центру. Так было с момента возведения Храма и вплоть до Йеровама. Что он сделал? «Посоветовавшись, царь (приказал) соорудить двух золотых тельцов и сказал (евреям): довольно вам ходить в Иерусалим, вот твои боже-ства, Израиль, которые вывели тебя из Египта» (Первая книга Млахим 12:28). То не было язычеством в чистом виде, поскольку царь не призывал народ служить кенаанским божкам. Он только хотел, чтобы люди служили единому Б-гу без совершения паломничества в Иерусалимский храм. Для этого были отлиты золотые тельцы, символизировавшие могущество Творца. Нарушался не запрет на идолопоклонство, нарушалась заповедь Торы, запрещающая создавать какое бы то ни было изображение Всевышнего (см. Шмот 20:19).

Если бы все ограничилось грехами Йеровама! Но процесс отпадения правящей элиты Северного царства от Торы, начатый при первом царе, продолжался при его преемниках. Царь Ахав, женившись на финикийской принцессе Изевели, стал после свадьбы покровительствовать жрецам ее народа, насаждавшим ужасные культы, центральным ядром которых были человеческие жертвоприношения и храмовая проституция. Хотя евреи в целом сохраняли верность Торе, среди знати нашлось много людей, изменивших заветам отцов, - например, Хиэль из города Бейт-Эль, богатый и знатный еврей, решивший восстановить город Йерихо (Иерихон). Строго говоря, не было бы ничего предосудительного в возведении нового города на месте старого, давно разрушенного, если бы не запрет, автором которого являлся Йеошуа бин Нун, - запрет на восстановление именно Йерихо. Читаем в Танахе (Йеошуа 6:26): «Проклят перед Б-гом тот, кто отстроит этот город, Йерихо; на своем первенце он обоснует его, на своем младшем поставит его ворота». Проклятие сбылось со зловещей точностью: уже в ходе закладки строительства стали умирать один за другим сыновья Хиэля, но он, объясняя все случайностью, упорно продолжал строительные работы. На похоронах последнего сына Хиэля встретились царь Ахав и ученик Ахии из Шило, Элияу Анави (Илья-пророк). «Странное дело, - съязвил Ахав, - может ли быть так, чтобы проклятие ученика сбылось, а проклятие учителя - нет? Известно, что наш Учитель Моше сказал в Торе, что, если мы будем служить другим богам, то небо закроется и не будет дождя. Но смотри, мы поклоняемся идолам - и ничего, дожди идут как ни в чем не бывало!» В ответ Элияу поклялся, что отныне не будет ни дождя ни росы. И Всевышний выполнил слова пророка - наступила страшная засуха. Но и тогда царь не прозрел. Он просто ополчился на пророка, так что тому пришлось скрываться от его гнева...

Борьбу с идолопоклонством в Северном царстве продолжал ученик пророка Элияу, Элиша. У последнего оказалось много последователей. Называли их *бней аневиим*, буквально «сыновья пророков». То были люди, «учившиеся на пророков», т. е. они сочетали изучение Торы с занятия-

ми по самоусовершенствованию, включавшими в себя специальные уроки по развитию навыков пророчества. Ученики стремились достичь состояния, которое можно назвать вершиной человеческого духа, - хотя, следует признать, что подлинными пророками становились далеко не все, а только те, кого выбирал сам Творец. Одним из таких учеников Элиши был Йеояда Акоэн, родом из Иудеи, ставший впоследствии первосвященником Иерусалимского храма. Его имя нам тоже нужно для восстановления цепочки, по которой до нас дошла Устная Тора.

Что касается Южного царства, Иудеи, находившейся под властью династии Давида, то там положение было несколько лучше, чем в Северном. Язычество в Иудее не преуспело. Правда, вдова царя Ахазии, Аталия (дочь только что упомянутой нами северной царицы Изевели), попыталась внедрить идолопоклонство в Иерусалиме, но вспыхнувшее в 695 г. до н. э. восстание положило конец ее «реформам». Руководил восстанием сам первосвященник Йеояда, ученик пророка Элиши. Как видим, порой наступали времена, когда мудрецам Торы приходилось выходить из ешив и принимать непосредственное участие в серьезных политических актах.

Следующие за Йеоядой имена в цепочке поколений - Зехария и Ошея, оба жители Иудеи, и Амос, уроженец Северного царства. Все трое - пророки; с их речами можно познакомиться по тексту Танаха. Прочитываем только слова Амоса, адресованные нашему поколению из глубины веков (8:11,12): «Вот наступят дни, - сказал Г-сподь Б-г, - когда Я пошлю голод на землю; не гибель урожая и засуху, а (голод и жажду) внимать словам Г-спода. Будут ходить (евреи) от моря до моря, с севера на восток, будут скитаться в поисках слова Г-спода, но не найдут его». Пророк предвидел, что придет поколение, которое, ощутив духовную опустошенность своей эпохи, бросится на поиски духовности. Однако, оставаясь далеким от Торы, оно будет искать духовность где угодно, от одного моря до другого, в северных странах, восточных культурах, - но ничего не найдет...

В Иудее, как сказано выше, положение в смысле изучения и соблюдения многих законов Торы оставалось сносным. Но в общественной жизни, в сфере отношений между людьми, важнейшие законы Торы попирались и на Юге. Многие люди, считавшие себя вполне благочестивыми евреями, не чувствовали противоречия между скрупулезным соблюдением одних заповедей и полным пренебрежением к другим. Против такого положения восстает преемник Амоса Йешаяу (пророк Исая). Он обрушивает на головы самодовольных людей беспощадные слова Всевышнего (1:13-17): «Не приносите больше пустого дара (жертвоприношений); воскурение - мерзость для меня. Новомесячий и (ваших) Суббот Я не терплю: все это - беззакония с празднеством... Перестаньте творить зло. Учитесь творить добро, стремитесь к справедливости, поддерживайте угнетенного, вступайтесь за вдову...»

Йешаяу, как и другим пророкам, пришлось столкнуться с властями: произошло это в царствование Ахаза, который, подражая своим северным соседям, увлекся идолопоклонством. К счастью, оно не пустило корней, и, когда на престол взойшел сын Ахаза, Хизкияу, он уничтожил все следы идолопоклонства. Хизкияу был праведным царем; благодаря его правлению изучение Торы достигло небывалого расцвета. Существует предание о том, как царь приказал воткнуть у входа в *Бейт-Амидраш* (центральную академию) меч, который должен был красноречиво намекать отлынивающим от учебы на то, что их ждет. Однако в этом не было нужды, поскольку свет во многих синагогах и ешивах продолжал гореть и глубокой ночью.

Все эти годы Йешаяу шел рука об руку с молодым царем и поддерживал его во всех начинаниях. Каково же было горе и удивление пророка, когда Всевышний повелел ему навестить неожиданно заболевшего царя и сообщить ему о скорой кончине! Хизкияу спросил, за что обрушился на него такой гнев. «За то, что, вопреки заповеди, ты не женился и не произвел потомства,» - ответил Йешаяу. «Но я вынужден поступить так! - воскликнул царь. - У меня тоже есть пророческий дар, не такой, правда, как у тебя. Но благодаря ему я узнал, что от меня произойдут недостойные потомки!» - «Это не твое дело, - возразил пророк, - ты должен исполнять, что тебе велено, а Всевышний поступит, как угодно Ему...» - «Хорошо, тогда отдай мне в жены свою дочь; может быть, твои заслуги помогут ей и у нас родятся достойные сыновья.» - «Поздно! - ответил Йешаяу, - твои дни сочтены». И вот тут, при этих словах, царь впервые потерял самообладание и довольно резко произнес: «Сын Амоца, кончай свои пророчества и ступай! Мой предок Давид учил: никогда не поздно надеяться и просить о милости у Всевышнего, - даже если меч занесен над твоей головой!...»

Хизкияу оказался прав. Его раскаяние было настолько искренним, что он выздоровел, после чего сыграл свадьбу с дочерью Йешаяу. Правда, заслуги великого пророка его потомкам не помогли: сын царя, Менаше, стяжал себе славу худшего из всех еврейских царей. Читаем во Второй книге Млахим (21:1-6): «Двенадцать лет исполнилось Менаше, когда он стал царем; пятьдесят пять лет он царствовал в Иерусалиме... И делал зло в глазах Всевышнего... и ставил жертвенники Баалу... и поклонялся всему воинству небесному (звездам)... и провел сына своего через огонь». Прежде тоже случалось, что на престоле оказывались, мягко говоря, не самые достойные люди, но идолопоклонство и разврат не выходили за пределы царской семьи и ее приближенных. Даже во времена израильского царя Ахава поклонников финикийских культов было так мало, что, собравшись вместе, они вполне умещались в одном здании (см. Вторую книгу Млахим 2:10). Однако Менаше силой насаждал идолопоклонство в народе, подавляя железной рукой всякие попытки сопротивления. «И много невинной крови пролил Менаше, так что наполнил ею Иерусалим от края до края» (там же 21:16). Одной из первых жертв кровавого террора стал пророк Йешаяу.

За долгие годы правления Менаше преуспел в своих «реформах». Резко ухудшилось моральное состояние народа, погрязшего в идолопоклонстве и разврате. Еще в Синайской пустыне евреи были предупреждены (Дварим 11:16): «Берегитесь, дабы не обольстилось ваше сердце и не сокрушились вы, и не стали служить другим богам». Ибо, если это случится, то - «возгорится на вас гнев Б-га, замкнет Он небо и не будет дождя, и исчезнете вы скоро с прекрасной земли, которую Г-дь Б-г дает вам». Все знали, что наказанием за нарушение завета будет изгнание из Эрец Исраэль и опустошение страны. Об этом предупреждали и пророки, видевшие своими глазами распространение язычества, моральный упадок и коррупцию властей. Преемник Йешаи пророк Миха предостерегал (3:12): «Иерусалим превратится в руины, а гора дома Г-спода - в лесистые высоты». О том же говорили его ученики - Иоэль, Нахум и Хавакк, пророчествовавшие в страшные дни правления Менаше.

Однако люди не прислушивались к их словам. И такой день - день ужаса и катастрофы - настал. Первым пало под натиском ассирийцев Северное царство десяти колен. Произошло это в 555 г. до н. э., еще во время царствования Хизкияу, причем все население было немедленно угнано на восток.

Что касается Южного царства, то оно просуществовало после этой катастрофы 133 года. Но и финал Иудеи был трагичен. После смерти Менаше развращенные властью пособники покойного царя возвели на иерусалимский престол его малолетнего внука Йошияу, надеясь, что тот будет во всем им послушен. Однако надежды не оправдались: молодой царь «во всем шел по путям Давида, своего предка, не уклоняясь ни вправо, ни влево» (Вторая книга Млахим 22:2). «И не было до него царя как он, который ВЕРНУЛСЯ бы к Б-гу всем своим сердцем и всей своей душой, и всем своим существом, следуя Торе Моше» (там же 23:25). Он был настоящим *бааль тшува* (человеком, вернувшимся к Торе). Причем Йошияу сделал все, чтобы вернуть к Торе и народ Иудеи. Тем не менее, несмотря на все старания, ему не удалось полностью искоренить те явления, что успели пустить глубокие корни в народе за долгие годы правления его деда, царя-злодея Менаше. Многие евреи, внешне подчинившись молодому правителю, тайне продолжали вести прежний образ жизни. Оказалось, что нравственный распад давно затронул все слои общества, в том числе и среду ученых.

Пророки, стоявшие во главе мудрецов Торы, Цфания и его преемник Йирмеяу (Иеремия), безжалостно обличали пороки своих современников. «Как можете вы говорить: мы - мудрецы, и Тора Всевышнего с нами? Вот же, напрасно точили перо, напрасно писали писцы. Осрамились мудрецы... презрели слово Б-га, - в чем же их мудрость?» - вопрошал Йирмеяу (8:8). Иными словами, зря трудились писцы, переписывая Тору, - зачем она вам, если вы не выполняете ее законов, кому нужна ваша мудрость в ней, если ваша личная жизнь противоречит тому, что в ней написано? Но никто не прислушивался к нему, люди жили привычной жизнью, ни о чем не задумываясь. Читаем (Йирмеяу 8:6): «Никто не раскаивается в своем зле, (никто не) говорит: что я наделал! Каждый продолжает свой бег, как конь, который несется в бой!» Подобно боевому коню с шорами на глазах, люди мчатся по жизни, не оглядываясь назад, не думая о своих поступках и не понимая, что мчатся навстречу гибели.

Пророки, стоявшие во главе мудрецов Торы, понимали, что при таком положении дел Южное царство постигнет та же участь, что и Северное. Маленькое и слабое, оно чудом до сих пор держалось между ассиро-вавилонским молотом и египетской наковальней; однако, лишившись защиты Всевышнего, оно окажется легкой добычей для сверхдержав того времени. Так и случилось. Вскоре Иудее пришлось покориться новой силе, стремительно выдвинувшейся на мировую арену, - Вавилону, подмявшему под себя Ассирию. Разгромив евреев, вавилоняне, во избежание попыток восстаний, решили обезглавить народ, для чего выселили из Иерусалима духовную элиту - мудрецов Торы, которых привезли в Вавилон и там расселили. Однако восстания эта мера не предотвратила. Бунт разразился через несколько лет и был подавлен войсками под руководством полководца Невузардана. Чужеземцы разрушили Иерусалим и Храм, а население, на этот раз всех без исключения, угнали в Междуречье. Так в 422 г. до н. э. прекратило свое существование последнее еврейское государство древности, а сам еврейский народ приблизился к той роковой черте, за которой навечно исчезают нации, культуры и цивилизации.

Измученные, разбитые, потерявшие всякую надежду на избавление после ужасов осады и плена, еврейские переселенцы, придя в Вавилон, обнаружили здесь нормально функционирующую еврейскую общину. Мудрецам и ученым, приведенным сюда одиннадцать лет назад, не пришлось пережить ни войн, ни ужасов осады, ни плена. Поселенные в Вавилоне, они организовали еврейскую жизнь вокруг самого главного ее компонента - изучения Торы. Молот уже был занесен над наковальней, но за несколько мгновений до рокового удара чья-то невидимая рука перенесла мудрецов Торы в безопасное место, где они продолжили занятия. Встретив через некоторое время своих измученных братьев, они сумели вдохнуть в них надежду на грядущее спасение, предсказанное великими пророками - Йешаяу и Йирмеяу (который оказался последним в этой цепочке).

Вскоре и сам Йирмеяу прибыл в Вавилон. Он не был угнан в дни разрушения Иерусалима и пришел к своим братьям добровольно. Вместе с ним прибыл его ближайший ученик Барух бен Нерия, который после смерти учителя стал одним из самых выдающихся мудрецов своего поколения.

Важнейшие, эпохальные события неслись тем временем одно за другим словно смерч. Огромная Вавилонская империя рухнула так же быстро, как и возникла. По истечении семидесяти лет своего господства над миром она пала под ударами двух союзных армий - персидского правителя Дария и мидийского царя Кира. Взойдя на престол новой мощной империи, возникшей на обломках Вавилона, Кир даровал евреям свободу и разрешил им вернуться в Эрец Исраэль, чтобы отстроить Иерусалим и Храм.

Заканчивая эту главу, восстановим всю цепочку передачи Торы в эпоху Первого храма:

Моше
Йеошуа бин Нун
Отниэль бен Кназ - Эуд бен Гера
Шамгар - Двора-пророчица - Гидеон
Авимелех - Тола - Яир Агилади
Ифтах - Ивцан - Эйлон
Авдон - Шимшон
Эли Акоэн
Шмуэль - царь Давид
Ахия из Шило -Элияу Анави - Элиша
Йеояда Акоэн -Зехария - Ошея - Амос
Йешаяу - Миха -Йоэль - Нахум
Хавакук - Цфания
Йирмеяу.

Эпоха Второго храма

Призыв к возвращению на родину был встречен евреями с большим энтузиазмом, и более 42 тысяч человек решили вернуться. Остальные, хоть и предпочли остаться на обжитых территориях Вавилонии, снабдили переселенцев всем необходимым. Вскоре репатрианты дошли до Иерусалима и заложили фундамент нового Храма. Народ ликовал, всем казалось, что они стоят на пороге новой замечательной жизни. И только старики, помнившие еще Первый храм, не скрывали своих слез.

Впрочем, быстро завершить постройку Храма не удалось. Причиной тому были интриги соседних народов, руководители которых слали в Персию доносы, обвиняя евреев в стремлении к бунту. Сменивший Кира на престоле персидский царь Камбиз, будучи крайне подозрительным монархом, запретил евреям строительство Храма. И только по прошествии нескольких лет новый царь Дарий Второй (сын Ахашвероша, о котором многие говорят, что его матерью была царица Эстер) разрешил продолжить постройку. Строительство завершилось в 352 г. до н. э., ровно через 70 лет после разрушения Первого храма. В том же году в Иерусалим прибыла еще одна группа переселенцев, во главе которой стоял крупный ученый по имени Эзра, ближайший ученик Баруха бен Нерия, преемника пророка Йирмея. Не желая оставлять своего учителя, он не присоединился к первой группе возвращенцев и только теперь, после смерти Баруха бен Нерия, пришел в Иерусалим. «Приготовил Эзра свое сердце для толкования Торы Г-спода, для ее исполнения и для обучения Израиля законам и уставам» (Эзра 7:10), - в этом видел пророк свою задачу.

Благодаря своей мудрости он быстро стал духовным вождем маленькой общины Иерусалима, где приложил колоссальные усилия для того, чтобы евреи соблюдали все законы Торы. Об этом периоде истории можно прочитать в книге самого Эзры (см. 10 и 11 главы).

С именем Эзры связано учреждение Великого собрания, по-еврейски *Кнесет Агдола*, - следующего звена в цепочке передачи Торы. Собственно говоря, это был тот же Верховный Суд, *Санедрин*, но в расширенном составе, куда вошли последние пророки: Хагай, Зехария и Малахи, а также Даниэль, Эзра, Нехемия, Мордехай, Зерубавель и многие другие. Всего сто двадцать человек.

В задачи Великого собрания, помимо очень важных функций высшей судебной инстанции, прежде всего входило разрешение всех сомнительных и спорных вопросов Устного учения, а также забота о соблюдении и изучении Торы и точной передаче ее следующему поколению. Все это нашло отражение в известном предписании-афоризме, родившемся в стенах Великого собрания и приведенном в Пирке Авот (1:1): «Судите обдуманно, принимайте больше учеников и создавайте ограду для закона».

С мужами Великого собрания связаны важные постановления. Так, они определили порядок и текст обязательных для всех молитв и благословений, канонизировали текст Танаха, а также сделали многое другое, о чем написано достаточно книг... Но время не ждет. История неумолимо движется дальше, и мы должны перейти к следующему звену в цепочке поколений.

«Шимон Ацадик (Шимон-Праведник) - один из последних мужей Великого собрания», - говорит мишна в Пирке Авот. Пережив всех своих товарищей, великий учитель оказался по сути единственным связующим звеном между Великим собранием и следующим поколением. Цепь получается, когда два звена соединяются между собой третьим. Так же строится и живая связь поколений - через людей, живущих и действующих в предыдущем и в последующем поколениях.

Шимон Ацадик был не просто великим ученым, на протяжении сорока лет он занимал пост первосвященника в Иерусалимском храме. Все годы его жизни, как и встарь, там происходило еще много чудес, свидетельствовавших, что *Шхина* (Б-жественное присутствие) все еще обитает в Храме. С его смертью чудеса окончательно прекратились.

Но снова нас подгоняет бег истории. Мы входим в эпоху бурных перемен и мировых катаклизмов. Персидская держава терпит сокрушительное поражение под ударами греческой армии Александра Македонского. Завоевав всю Малую Азию, Сирию и Финикию, греки победным маршем входят в Эрец Исраэль. Еще во время осады финикийского города Цур (современный Тир) Александр потребовал от всех местных народов снабдить его войска провиантом и подкреплением, на что Иерусалимские власти ответили отказом, мотивируя свои действия клятвой верности, кото-

рую они дали персидскому царю. Разделавшись с Цуром, Александр Македонский двинулся на Иерусалим, желая наказать евреев за непослушание. Его гнев, возможно, подогревался соседними народами, славшими доносы на своих врагов-евреев. Так они поступали еще при персидском царе во время строительства Храма.

Услышав о приближающейся беде, Шимон Ацадик, во главе делегации почетных жителей Иерусалима, вышел навстречу прославленному завоевателю, чтобы умиротворить его. Встреча произошла в Шаронской долине. Ждать можно было чего угодно, но произошло самое неожиданное: Александр, спрыгнув с колесницы, преклонил колена перед первосвященником. «Образ этого человека не раз являлся мне в битвах и предвещал победу», - объяснил царь потрясенным македонцам. Предание рассказывает, что Александра проводили в Иерусалим, где он осыпал евреев царскими милостями и, посетив Храм, нашел его архитектуру и убранство достойными внимания. Лишь посоветовал поставить где-нибудь на видном месте его царский бюст. Священники предложили вместо этого нечто другое, более, по их мнению, существенное для увековечивания памяти великого Александра: всех мальчиков, которые родятся в этом году, назовут его именем. Полководец согласился. Так имя Александр вошло в число еврейских имен.

Ученики Шимона Ацадика действовали в эллинистическую эпоху, когда Иудеей правили сирийские греки. (Сирия, как известно, была одной из частей, на которые распалась империя Александра.) На посту главы Санедрина находился тогда преемник Шимона, Антигон из города Сохо. При нем в народе Израиля возникли первые секты: цедукеи, эссеи и др., - очевидно, под влиянием эллинизма, распространившегося на Востоке. Эти секты отличались друг от друга большим разнообразием во всем, кроме одного: все они отвергали традиции Устной Торы, полученные из рук предыдущих поколений. Отныне мудрецам приходилось не только заботиться о том, как обучить Торе подрастающее поколение, но и о том, как дать отпор мощному натиску фальсификаторов и реформаторов всех мастей.

Положение осложнилось еще больше с появлением движения *митъявним*, т. е. эллинизированных евреев (от слова *леитъявен*, «огречиться»; *Яван* - Греция). «Золотая молодежь» аристократических семей, в том числе из священнических родов (коаним), начала перенимать греческие нравы, взгляды на жизнь и обычаи. Началось все с невинного увлечения атлетикой и гимнастикой, завезенными греками на восток, а кончилось тотальным отходом от заповедей Торы. Театр, олимпиады, философские диспуты, пиры - вот, что увлекало пресыщенную молодежь той эпохи. Нельзя держаться за старые обряды, - утверждали идеологи эллинизации, - мы живем не в эпоху мрачного древневековья, а в «золотой век» греческой цивилизации, когда человек становится «мерилом всех вещей», когда мир, постепенно отказываясь от строгой пуританской морали, обращается к идеалам красоты, поскольку начинает понимать, что религиозные ограничения мешают раскрытию в человеке истинных талантов.

Со временем эллинисты захотели встать во главе всего народа, чтобы вывести его из провинциальной убогости к прямой дороге в «светлое будущее», под которым они понимали приобщение к великолепной культуре Греции. Но быстро убедились, что народ не вдохновляется их идеями. И, поскольку мирные попытки просвещения и цивилизации не увенчались успехом, они решили прибегнуть к силе, а потому обратились к сирийскому царю Антиоху Эпифану с просьбой помочь им привить греческий образ жизни темным еврейским массам, суля царю щедрую компенсацию из сокровищ Иерусалимского храма. Антиох, не возражая против сокровищ, послал войска в помощь партии эллинистов. Однако результат получился неожиданным: если до сих пор сопротивление народа было пассивным, то теперь вспыхнуло настоящее восстание, поднятое семьей священника Матитьяу из города Модиин. Началась долгая эпоха макавейских войн, которая завершилась полной победой над эллинизаторами и войсками греческих правителей, неоднократно приходившими из Сирии. То была победа, вернувшая евреям религиозную свободу.

Современниками тех войн была пара мудрецов, стоявшая во главе Санедрина. Оба - ученики Антигона из Сохо. Одного звали Йоси бен Йоэзер, другого - Йоси бен Йоханан. Йоси бен Йоэзер погиб во время резни, устроенной греками в Иерусалиме. Талмуд рассказывает, что когда его вели на казнь, его племянник, примкнувший к эллинизаторам, пытался уговорить дядю отказаться от Торы. «Разве кто-нибудь служил Всевышнему преданнее, чем ты? - спросил он. - И вот, что ты

получаешь в награду!» - «Если такая участь постигает исполняющих Его волю, то что будет с нарушающими?» - ответил мудрец.

С Йоси бен Йозер и Йоси бен Йоханан начинается период «пар». В отличие от предыдущих поколений, во главе мудрецов отныне стояли двое: к уже существующей должности *Ав Бейт Дин* (глава Верховного Суда, Санедрина) добавилась новая - *Наси*, председатель Санедрина. *Ав Бейт Дин*, как и прежде, руководил судейской работой высшего центра, разрешавшего все спорные и сомнительные вопросы Закона. Перед народом от лица Санедрина выступал председатель, Наси. Раньше это делали первосвященники, управлявшие народом на основе решений суда. Но в последнее время на эллинизированных священников полагаться стало нельзя, а потому мудрецы выбирали из своей среды Наси, представлявшего Санедрин перед народом.

Следующая пара - Йеошуа бен Прахия и Нитая Арбели. Они встали во главе Санедрина после гибели Йеуды Макавея, одного из сыновей Матитьяу, самого прославленного из них. После него политическая власть в стране перешла к его братьям: сначала к Йоханану, потом к Шимону, добившемуся в 141 году до н. э. полной независимости от греков.

Много замечательных учеников воспитали эти мудрецы. Но была и неудача: одного из учеников (по имени Ешу из города Нацерета, по-русски - Назарета) пришлось удалить из ешивы за недостойное поведение. Он обиделся - и вскоре стал основателем нового движения, христианства, принесшего затем столько страданий еврейскому народу.

В следующем поколении, руководили Санедрином Шимон бен Шетах и Йеуда бен Табай. Оба были учениками Йеошуа бен Прахия и Нитая Арбели. Отношения между Шимоном бен Шетах и тогдашним царем Александром Янаем испортились, когда Шимон, председательствуя на судебном заседании по рассмотрению дела одного из царских рабов, обвиняемого в убийстве, потребовал от царя прийти в суд и, в соответствии с законом, стоя дать свидетельские показания. Янай явился, но заносчиво заявил, что стоять перед судом согласен только по решению всех членов Санедрина, а не одного председателя. Как поступили судьи? Они смолчали.

Шимон понимал, чем кончится его противостояние с царем, поэтому решил на время исчезнуть. Только после смерти царя в 76 г. до н. э., когда власть в стране перешла к вдовствующей царице Шлом-Цийон, она вернула из изгнания Шимона бен Шетах, снова вставшего во главе Санедрина вместе со своим напарником, Йеудой бен Табай. Их преемниками стали Шмая и Автальон, начавшие свою деятельность в последние годы мира и благополучия в Иудее - еще при царице Шлом-Цийон. Талмуд рассказывает, что они оба были потомками *геров* (прозелитов). Сохранился рассказ, который доносит до нас обстановку тех дней, а заодно дает представление о людских характерах. Однажды на исходе Йом Кипура толпа сопровождала первосвященника, прошедшего тяжелейшую службу в Храме, к его дому; так поступали всегда, не отошли от обычая и на этот раз. И вот, случилось, что ту улицу пересекали Шмая и Автальон. Толпа тут же бросила первосвященника и последовала за мудрецами. Уязвленный первосвященник саркастически приветствовал мудрецов (намекая на их происхождение): «Да идут дети чужеземцев с миром». Шмая и Автальон не смутились и ответили: «Пусть идут с миром дети чужеземцев, продолжающие дело Аарона (учившего всех стремиться к миру), то дело, которым пренебрегают его потомки».

У Шмаи и Автальона учился Илель, уроженец Вавилона, впоследствии ставший известнейшим еврейским мудрецом. Обычно современные историки, пишущие об этом периоде нашей истории, занимаются исключительно теми событиями, что происходили в Земле Израиля, но не стоит забывать, что тогда достаточно большая часть народа продолжала жить в Вавилонии, куда евреи попали после разрушения Первого храма. Там люди жили налаженной еврейской жизнью, причем изучение Торы велось на таком высоком уровне, что Илель, придя в Иерусалим, смог сразу же войти в круг учеников Шмаи и Автальона, крупнейших мудрецов своего времени. Помогли ему в том и его личные качества.

Известен такой рассказ. Средств к существованию у молодого «вавилонца» почти не было. Выполняя тяжелую физическую работу по найму, он зарабатывал несколько грошей в день, из которых половину тратил на содержание семьи, а вторую половину платил за право входа в ешиву. Рассказывают, что однажды, когда у него не хватило денег на вход, он поднялся на крышу и, чтобы слышать урок, прильнул к самому верхнему окну. Дело было зимним вечером в канун субботы,

шел сильный снег. Шмая обратился к своему товарищу: «Брат Автальон, обычно в это время всегда светло, а сегодня сумрачно». Посмотрели наверх и увидели силуэт человека на крыше. Поднявшись, обнаружили засыпанного снегом и полуживого от холода Илеля.

Вскоре Илель прерывает учебу и возвращается в Вавилон. О причинах его возвращения на родину можно только догадываться. Скорей всего их надо искать в «смутном времени», которое переживала тогда Страна Израиля и которое сопровождалось беспорядками в городах и экономическими неурядицами. Так или иначе, молодой, но подающий надежды ученый покидает Иерусалим.

Он вернулся в Эрец Исраэль из Вавилона в 30 г. до н. э. В тот год канун праздника Песах выпал на субботу, что не случалось уже много лет. Возник *алахический* (связанный с *алахой*, еврейским Законом) вопрос, как совершить пасхальное жертвоприношение в Храме. Дело в том, что ежедневная жертва *тамид* приносится и в обычный день, и в субботу, но что делать с пасхальной жертвой? Можно ли ее приносить в субботу? Здесь разошлись мнения ученых *Бейт-Мидраша*, центральной ешивы, занявшей место Санедрина, упраздненного римлянами. Было высказано много аргументов за и против, но хотелось услышать традиционное решение вопроса, которое было бы получено от предыдущих поколений и восходило к Синаю. Такого вывода никто не помнил.

Наконец кто-то сказал, что на улицах города видели вернувшегося вавилонца Илеля, самого талантливого ученика Шмаи и Автальона. За ним послали, и он подтвердил от имени своих великих учителей, что пасхальная жертва приносится в субботу. Причем не просто подтвердил, а привел убедительные доказательства. Выслушав Илеля, тогдашние руководители *Бейт-Мидраша*, мудрецы из семейства Бней-Бетера (тоже вавилоняне по «стране исхода», принявшие бразды правления после смерти Шмаи и Автальона), встали и усадили Илеля на председательское место, немедленно провозгласив его «Наси Исраэль», руководителем Израиля.

Кстати, параллельно с этой академией мудрецов действовала другая ешива - под руководством великого ученого Шамаи. Руководя своей ешивой, Шамай приобрел славу второго человека в государстве Торы. Несомненно, приоритет принадлежал Илелю, - благодаря его удивительным качествам и несомненным заслугам. В Талмуде приводятся рассказы, свидетельствующие о поразительном уровне некоторых черт его личности: миролюбии, скромности, кротости и иронизирующей мудрости, с которой мы знакомимся в россыпи ярких и отшлифованных до бриллиантового сияния афоризмов, оставшихся после него.

Один из рассказов Талмуда повествует, как два не очень умных человека поспорили на большую сумму денег, можно ли вывести Илеля из терпения. Один из них явился в дом Илеля в пятницу после полудня - как раз когда тот мылся перед субботой - и стал требовать встречи с учителем всего Израиля. Илель поспешно оделся и вышел к посетителю, но тот задал какой-то глупый вопрос, специально для того чтобы вывести Илеля из себя. Мудрец похвалил его за серьезность вопроса и ответил ему со всей обстоятельностью. Посетитель ушел, Илель вернулся к прерванному занятию, но тот вдруг вернулся - и вся сцена повторилась. Так произошло несколько раз. Станный посетитель ходил туда и обратно, мешая Илелю готовиться к субботе и отвлекая его своими бестолковыми разговорами. Мудрец раз за разом терпеливо отвечал ему, ни чем не вызывая раздраженности; более того, он на самом деле продолжал дружелюбно относиться к этому странному посетителю. Солнце неумолимо клонилось к закату, суббота подступала, а вопросам не было конца. Рассказ кончается тем, что взбесился сам посетитель, понявший, что деньги, поставленные на спор, пропали окончательно.

В высказываниях Илеля можно найти те же специфические приемы и способы вывода, которыми пользовались ученые во времена Мишны и Талмуда.

- Куда ты спешишь, учитель? - спросили однажды Илеля его ученики после занятий.

- Совершить одно в высшей степени Б-гоугодное дело, - ответил он.

- Какое именно?

- Исккупаться.

- Разве купание - Б-гоугодное дело?

- Бесспорно. Посмотрите на статуи царей в языческих цирках, на стадионах и на улицах. По указанию властей к ним приставлен особый служитель, который их моет и чистит, за что не толь-

ко получает плату, но и пользуется почетом среди людей, как человек, несущий важную службу. Тем более должен содержать в чистоте свое тело человек, созданный по образу и подобию Б-га...

Еще несколько слов об Илеле. Следует обратить внимание на то, что титул Наси стал наследственным в его семье. Должность Наси и ранее выражала связь между мудрецами и народом. С того же момента как римляне лишили Санедрин функции Верховного Суда для всего Израиля, значение этого поста еще больше возросло. Народ видел в Наси высший авторитет Торы. «Государство в государстве», укrywшееся в стенах *Бейт-Мидраша*, получило новый статус. Во главе его стал Илель, потомок царя Давида, достойный, по закону, царского трона. Тем самым государство Торы получило царский венец, не претендуя на эфемерное величие светской власти. Выразилось это, в частности, в том, что титул Наси стал передаваться в семье Илеля по наследству - как и царская власть. Его потомки правили государством Торы. И люди видели в них истинных вождей, которые, не имея никаких средств принуждения, вели народ за собой, опираясь только на величие собственных личностей, на мудрость Торы и на любовь к человеку.

Эпоха Танаев

Школы Илеля и Шамаля положили начало новому звену в цепочке поколений - эпохе танаев. Танай (по-арамейски *тана*, во множественном числе - *танаим*), - так в те времена называли людей, посвятивших свою жизнь изучению Торы и передаче ее следующим поколениям. Коллективный труд танаев завершился около 200 года н. э. записью Мишны.

Начало эпохи танаев проходит на фоне бурных событий в Земле Израиля, которая находилась под римским протекторатом. Римские наместники, подгоняемые краткосрочностью своей службы, заботились лишь о собственном обогащении, а потому самым бессовестным образом грабили население, выжимая из него последние соки. На евреев они смотрели с презрением. Много раз наместники оскорбляли религиозные чувства евреев, провоцируя возмущение, чтобы затем, подавив его силой, можно было конфисковать имущество «бунтовщиков». Кровь по-прежнему лилась рекой, не было ни покоя, ни достатка. Ненависть и неприятие росли изо дня в день, терпение вот-вот должно было лопнуть, чтобы вылиться в массовые беспорядки. Среди народа уже стали организовываться первые отряды, получившие название зелотов, ревнителей. Начали происходить первые акты террора против римлян.

На террор народа власть ответила своим террором. Более того, даже в других провинциях начались антиеврейские гонения. В самой Иудее насилие росло с каждым днем. Напряжение дошло до предела. В такой обстановке достаточно было одной спички, чтобы произошел взрыв. И взрыв происходит. Погром, учиненный греками Кейсарии соседям-евреям, и поведение наместника, решившего наказать евреев за то, что те осмелились защищаться от погромщиков, вызывают возмущение во всей стране. Вспыхивает восстание. Сирийский губернатор дает приказ своим легионам двигаться на Иерусалим. Но легионы отбиты. Тогда император Нерон посылает в еврейские земли Веспасиана, специально отозвав своего лучшего полководца с другого края империи, из Испании. Веспасиан вторгается в Галилею с огромной армией. Происходит это в 67 г. н. э.

Несмотря на отчаянное сопротивление восставших, римляне берут крепости одну за другой и готовятся к решительной схватке за Иерусалим.

В это время в Святом городе идет ожесточенная борьба за власть. Появляются новые вожди, группировки, партии, чьи интересы и лозунги на время совпадают - или противоречат друг другу. Они создают коалиции, поддерживают одна другую, противостоят, объединяются, распадаются. Идет война всех против всех. В городе идет непрекращающееся побоище. Пока Веспасиан отсиживается на севере страны и не спешит осаждать Иерусалим, проносится слух, будто император Нерон исчез. Хитрый полководец решает, что теперь тем более не стоит торопить события, пусть ситуация прояснится - и тогда посмотрим, что из всего этого получится.

И вот в этом аду мы обнаруживаем крохотный островок, где сидят мудрецы и вдумчиво изучают Тору. Оказывается, еще не перевелись воспитанники школ Шамаля и Илеля. Трудно сказать, какую позицию они занимали в политических вопросах, - Талмуд об этом умалчивает. Очевидно, что мудрецы Торы не разделяли радикальных взглядов, поскольку надежда на полное освобождение

ние маленькой страны от власти могучего Рима была иллюзорна. Мудрецы понимали опасность лобового столкновения с военной государственной машиной, а национальная гордость и лозунги типа «лучше умереть стоя, чем жить на коленях» никогда ими не разделялись. Однако по некоторым намекам в талмудической литературе можно заключить, что на первой стадии восстания, преследовавшего ограниченные цели смещения жестокого наместника, мудрецы поддерживали восставших.

Самый авторитетный учителя той поры - рабана Йоханана бен Закай. О нем читаем в Талмуде, в трактате Сукка, на первой странице 28 листа: «Восемьдесят учеников было у Илеля... Меньший из всех - рабан Йоханан бен Закай. О нем говорили, что он ни разу в жизни (!) не вел пустой разговор, не проходил четырех локтей без тфилин или без учения. Никто не являлся раньше него в ешиву утром и никогда он ее не покидал, пока там оставался хотя бы один человек. Никто не видел его не занятым учением... При встрече он всегда первым приветствовал человека, даже если тот был иноплеменником. Ничего не пропущено им (при изучении) Писания, Мишны, Алахи или Агады».

И вот этот человек, уже будучи преклонным старцем, оказывается стоящим во главе мудрецов в залитом огнем и кровью Иерусалиме. Раньше он, скорее всего, симпатизировал восставшим, теперь ситуация изменилась - бунт против наместника вылился в настоящую войну с римлянами.

Бен Закай понимал, что город обречен. Пока Веспасиан выжидает, но его войска вот-вот пойдут маршем на Иерусалим, чтобы, согласно старой римской стратегии, окружить город и приступить к планомерной осаде. К тому же в жестокой борьбе между воюющими друг с другом группировками какие-то бандиты поджигают склады, где хранились запасы продовольствия, которых могло хватить на много лет осады; и теперь в случае окружения голод неизбежен. Но уговорить повстанцев на переговоры с римлянами невозможно - теперь им нечего терять; отчаянную решимость бойцов, почуявших запах крови, уже ничто не сломит. И что самое страшное - погибая, люди, решившие драться до последнего, увлекут за собой и город. Так что и многотысячное население Иерусалима, и Храм, и ешивы - все будет уничтожено, ибо по опыту всех бунтов в Римской империи известно, что рассвирепевшие римляне никого не щадят.

Итак, над еврейским народом нависла смертельная опасность - потомки Авраама, Ицхака и Якова стоят на грани уничтожения, так как без Храма и Торы они неизбежно растворятся среди других народов мира. Что можно предпринять? Выход остается один: следует начать контакты с римлянами, чтобы, пока не поздно, успеть спасти хоть что-нибудь. И пусть в глазах многих людей, не только вождей восстания, но и простых горожан, такой шаг будет выглядеть предательством и изменой, рабан Йоханан бен Закай не сомневается: лучше выглядеть предателем в глазах людей, чем знать, что ты ничего не сделал для спасения народа.

Решение принято. Выбравшись из осажденного Иерусалима, он отправляется в римский лагерь. Представ перед полководцем, рабан Йоханан бен Закай приветствует его, как царя. Но Веспасиан не император, он всего лишь командующий одной из армий, разбросанных по территории великой империи. Воин саркастически улыбается и тут же заявляет, что, во-первых, он не император, а солдат; во-вторых, тот, кто его называет императором, достоин смерти хотя бы потому, что тем самым призывает к свержению императора истинного. Но ничуть не смутившись, Бен Закай отвечает, что вовсе не обмолвился и Веспасиан обязательно будет царем, так как Храм не может пасть от руки простого вояки.

На этот раз Веспасиан не спешит высмеивать старика, он задумывается: время сейчас смутное, Нерона нет, в Риме идет отчаянная борьба за власть... Римлянин отпускает мудреца. В тот же день гонцы, прибывшие из Египта, приносят весть, что египетские легионы провозгласили его, Веспасиана, императором. Армия, расквартированная в Египте, представляет собой - вместе с находящимися под его непосредственным командованием сирийскими легионами - грозную силу, которая может противостоять западным легионам. Так что шансы Веспасиана на трон с каждым часом становятся все более реальными. Веспасиан вновь призывает к себе еврейского мудреца, предсказавшего такой неожиданный поворот событий, и спрашивает, какую тот хочет награду. И тут - совершенно неожиданно - рабан Йоханан бен Закай просит у новоиспеченного императора три вещи:

- 1) право поселиться вместе с учениками в городе Явне и открыть там центральную ешиву;
- 2) пощадить рабана Гамлиэля, потомка патриарха Илеля, носящего наследственный титул «Наси Исраэль»;
- 3) оказать медицинскую помощь праведнику раби Цадоку, ослабевшему от многочисленных постов.

Веспасиан еще раз поражается, на этот раз скромности просьб. Очевидно, что сейчас, после того как его предсказание сбылось, можно попросить что-нибудь более значительное. Полководец благоволит к еврейскому учителю, так почему бы не намекнуть на какие-нибудь привилегии для своего народа? Тем более, что вот-вот наступит тяжелый час для евреев: будет разрушена их столица, да и за целостность Храма нельзя поручиться.

Гордому римлянину не приходит в голову, что мудрец только что попросил у него спасти от уничтожения именно то, что составляет духовную основу еврейского народа. Через несколько столетий Рим превратится в факт истории и не больше того. А Израиль останется фактом современности, - и все из-за пустяковой просьбы, высказанной еврейским ученым...

Рабан Йоханан бен Закай понимал, что просить о спасении Иерусалима и Храма бессмысленно: Веспасиан не сможет выполнить эту просьбу. Иерусалим обречен, но без Храма народ сможет прожить. Жизнь его зиждется на изучении Торы, поэтому просить надо не о пощаде осажденному Иерусалиму, а об открытии ешивы где-нибудь вдали от ожесточенных боев, например, в Явне, - чтобы цепочка поколений не прервалась в годину тяжелых испытаний. Ведь там, в Явне, мудрецы смогут передать Тору в целости новому поколению, которое вырастет после разрушения Храма.

Веспасиан исполнил все три просьбы. И вскоре ешива в Явне открылась. Рабан Йоханан бен Закай собрал в ней уцелевших мудрецов и спасенного из огня осады рабана Гамлиэля. В Явне была воссоздана не только ешива, но и Санедрин, правда, неофициальный - не обладающий властью и средствами принуждения, но признанный всеми евреями как высший авторитет во всех вопросах жизни. В

Руководил работой Санедрина рабан Йоханан бен Закай, а не рабан Гамлиэль, так как ставить потомственного Наси во главе Санедрина было опасно: римляне могли усмотреть в этом ростки нового стремления к независимости. Только много лет спустя, когда волнения улеглись, рабан Гамлиэль занял подобающее ему место, получив на то разрешение от наместника Сирии.

Много крупных мудрецов собралось в Явне. Из них самыми близкими к Наси были раби Йеошуа и раби Элиэзер, ученики рабана Йоханана бен Закай.

Деятельность Санедрина в Явне позволила преодолеть серьезную трудность, с которой сталкивались предыдущие поколения. С тех пор как чиновники Помпея распустили Верховный Суд, накопилось множество неразрешенных вопросов. Отсутствие предусмотренного Торой форума для решения споров, гонения и войны, - все это мешало мудрецам прийти к единому мнению. Теперь же в Явне представилась возможность решить все споры. Рабан Гамлиэль потребовал, чтобы с принятым после обсуждения алахическим решением соглашались безоговорочно все, в том числе и меньшинство, выступавшее сначала против него. После постановления Санедрина каждый мудрец, независимо от традиции, полученной им от своих учителей, начинал преподавать и исполнять на практике принятый закон.

Добиться такого порядка было необычайно трудно. Можно себе представить, скольких трудов стоило склонить любого мудреца к искренней готовности принять точку зрения большинства. То была борьба. И в этой борьбе Наси не уклонялся от прямых столкновений с самыми уважаемыми мудрецами, в том числе с мужем своей сестры, раби Элиэзером и с другим учеником рабана Йоханана бен Закай - с раби Йеошуа. В Мишне (Рош Ашана 2:9) приводится рассказ о том, как однажды раби Йеошуа не согласился с рабаном Гамлиэлем. Дело было так. На заседание коллегии мудрецов пришли два свидетеля, заявившие, что они видели серп молодой луны. Надо сказать, что, когда действовал Санедрин, вопрос о начале каждого месяца решался по свидетельским показаниям, которые принимались специальной коллегией. Так вот, на этот раз раби Йеошуа не согласился с рабаном Гамлиэлем, принявшим свидетельство двух очевидцев. Он увидел в их словах несоответствие тому, что все видели на небе: «Вчера была луна, а сегодня пропала? Это похоже на женщину, которая вчера родила, а сегодня опять ходит с огромным животом». На том заседании

решался вопрос о наступлении месяца тишрей, на десятое число которого, как известно, выпадает Йом-Кипур, Судный день, день строжайшего поста, когда нельзя ни работать, ни есть, ни пить, ни носить деньги и пр. Узнав, что раби Йеошуа не согласен с его решением, рабан Гамлиэль послал к нему гонцов и от своего имени руководителя еврейского народа, Наси, приказал прийти к нему с посохом и дорожной сумой именно в тот день, на который, по расчетам раби Йеошуа, падает Йом-Кипур. Обескураженный раби Йеошуа бросился за поддержкой к своим товарищам, но те, и в их числе раби Акива, предложили ему послушаться приказа. «Иначе, - заявил один из мудрецов, - надо будет пересмотреть не только решения рабана Гамлиэля, но и всех, кто был до него, включая самого Моше-рабейну». Раби Йеошуа смирился и сделал, что его просили - явился к рабану Гамлиэлю в установленный день с посохом и сумой в руках. Написано, что Наси вышел к нему навстречу, обнял и поцеловал, сказав при этом: «Мир тебе, мой ученик и учитель! Ученик - потому что принял мое постановление. Учитель - потому что многому меня научил».

Мы упомянули имя раби Акивы. Говоря о цепочке поколений, по которой передавалась Устная Тора от Моше до наших дней, абсолютно невозможно обойти стороной великого учителя, мудреца, воспитателя поколений, праведника и руководителя народа - раби Акиву.

О нем известно, что свои знания он приобрел в ешивах раби Элизера и раби Йеошуа. Но учиться он начал поздно, а до того сорок лет жил жизнью самого простого человека, не испытывая никакой тяги ни к знаниям, ни к Торе. Принято считать, что раби Акива бен Йосеф родился в семье прозелитов, т. е. тех, кто перешел в иудаизм, решив стать полноценными евреями.

В молодости он ничему не учился, а на жизнь зарабатывал, нанявшись простым пастухом к известному иерусалимскому богачу по имени Калба Савуа. Прозвище буквально означает «сытая собака»; богач отличался не столько богатством, сколько гостеприимством и готовностью помогать бедным: любой бедняк, который приходил к нему «голодным как собака», уходил сытым.

Будучи уже взрослым человеком, молодой Акива не только не знал грамоты, но и питал ненависть ко всякой учености, считая мудрецов выскочками и паразитами, которые, не производя ничего полезного, ставят себя выше простого люда. Но вместе с тем, а такое совпадение полярных качеств частенько наблюдается в человеческой природе, был он человеком необычайных душевных качеств - мягкий, приветливый, добропорядочный. Неудивительно, что в него влюбилась дочь его хозяина Рахель. Влюбилась и согласилась стать его женой, но с одним условием: он должен обещать пойти учиться. Ее отец, услышав, что любимая дочь вот-вот свяжет свою жизнь с безграмотным пастухом, выгнал ее из дому. В пылу гнева он дал обет не помогать дочери - пока она не вернется с повинной.

Рахель ушла из дому, и молодые люди поженились. Чета жила в крайней бедности; рассказывают, что иногда в их доме нельзя было найти ничего, кроме охапки соломы, на которой они спали.

Акиве было за сорок лет, когда вместе со своим сыном он пришел в хедер и засел с ним за изучение азбуки. Условие, поставленное Рахелью, надо было выполнять. Новый ученик, проявив незаурядные способности, быстро овладел Письменной Торой и перешел в ешиву раби Элизера, которая в ту пору находилась в Лоде. Отныне он изучал Устную Тору у тех самых мудрецов, которых когда-то ненавидел. Учение полностью захватило его. Он уже не мог заниматься ни семьей, ни заработками. Нужда в доме дошла до крайности. Но Рахель, страстно желавшая видеть своего мужа мудрецом Торы, поощряла его в занятиях, для чего была готова взвалить все тяготы забот по дому на себя.

Не отступила она и тогда, когда муж сообщил, что вынужден покинуть ее, поскольку раби Элизер переводит свою ешиву далеко на север, в Кейсарию, и он должен переехать вслед за своим учителем. Она не могла бросить дом, так что двенадцать лет раби Акива прожил без нее, ни на час не прерывая учебу у великого ученого и кормясь продажей дров, которые сам носил из леса.

Через 12 лет раби Акива, преуспевший в учебе настолько, что теперь сам имел учеников, вернулся домой. Талмуд рассказывает, что, подойдя к дверям лачуги, где жила самоотверженная Рахель, он услышал, как одна из соседок обратилась к его жене: «Что ни говори, твой отец был прав. Сколько лет ты живешь как вдова при живом муже!» На что Рахель ответила: «Если бы Акива меня слышал! Я бы позволила ему оставаться в ешиве еще 12 лет». Услышав эти слова, раби Акива повернулся и, не заходя домой, пошел обратно. Недаром он потом говорил своим ученикам: «Все

мои и ваши знания принадлежат этой женщине!» (От себя мы можем добавить - и все наши знания тоже. Потому что большинство сведений, приведенных в Талмуде, сохранены учениками раби Акивы и только потому дошли до нас.)

Мы уже упоминали, что раби Акива начал учиться у раби Йеошуа и раби Элизера в годы, предшествовавшие разрушению Второго храма. К тому времени, когда был создан Санедрин в Явне, он, уже будучи известным мудрецом, становится виднейшим его членом, стоящим почти на том же уровне, что и его первый учитель. Благодаря продолжительной жизни, он стал руководителем следующего поколения мудрецов.

С его учениками связано трагическое событие, о котором рассказывает Талмуд в трактате Евамот 62б. Оказывается, все они умерли почти одновременно - от эпидемии, разразившейся в короткий срок между праздниками Песах и Шавуот. За что постигла их такая судьба? Талмуд пишет: «За то, что не относились с достаточным уважением друг к другу».

Взаимным неуважением грешат многие группы людей, но не всех постигает такая кара; почему несчастье произошло именно с учениками раби Акивы? Действительно, не будь они его учениками, то, скорее всего, избежали бы столь сурового наказания. В каждом поколении было много мудрецов, изучавших Устную Тору и передававших ее своим ученикам. Однако всегда был один ученый - или пара, на которых ложилась главная забота о передаче Торы следующему поколению. Разговор идет о таком человеке, который, наряду с максимальными знаниями во всех областях Торы, обладал также гениальными способностями в области анализа, который являлся не просто своего рода «ходячей энциклопедией», но и живой Торой, неиссякаемым источником мудрости, учителем, обучающим учеников - будущих вождей грядущего поколения - для того, чтобы они несли эстафету дальше. В своем поколении таким человеком был именно раби Акива. По крайней мере так мы читаем в другом отрывке Талмуда: «Все места в Мишне, где не указан автор высказывания, принадлежат раби Меиру; в Тосефте (где, как и в Сифри, приведены дополнительные списки законов) - раби Нехемье; в Сифри - раби Шимону. Но все исходит от раби Акивы».

На людей, готовых передать эстафету, полученную из рук раби Акивы, следующему поколению - составителям Мишны, ложилась колоссальная ответственность. Ими могли стать только достойнейшие из достойных. Особенности требования к мудрецам предъявлялись в области морали, в том числе во всем, что касается уважения к другому мудрецу, носителю Устного учения. Но ученики раби Акивы проявили неуважение друг к другу, и это сделало их непригодными для той роли, к которой они готовились. Вот почему все они погибли.

Потерпев поражение, раби Акива не отчаялся и тут же стал искать себе новых учеников, пока не нашел пятерых, самых достойных - раби Меира, раби Йеуду бен Илаи, раби Шимона бар Йохай, раби Йоси бен Халафта и раби Элазара бен Шамау. Эти пятеро и подхватили эстафету, которой посвящена наша книга. Но прежде чем перейти к их поколению, скажем еще несколько слов об их великом учителе.

Последние годы жизни раби Акивы пришлось на один из самых тяжелых периодов в жизни еврейского народа. За несколько десятилетий, прошедших после разрушения Храма, гнет римской власти усилился настолько, что в Эрец Исраэль вспыхнуло восстание, во главе которого встал некий человек по имени Бен Косива. Император Адриан, в свое время оставивший пост наместника провинции Сирия, бывший большим специалистом «по еврейскому вопросу», в начале своего царствования еще пытался искать какие-то компромиссы с этим вечно недовольным племенем. Но вскоре антиеврейские круги в Риме взяли верх и убедили цезаря проводить жесткий курс по отношению к евреям. Первым был издан приказ о закладке на месте разрушенного и полностью уничтоженного Иерусалима нового греко-римского города под названием Элия Капитолина со святилищем Юпитера, который планировали возвести на месте бывшего еврейского Храма. Вслед за тем вышел декрет, запрещающий евреям под страхом смертной казни соблюдать субботу, делать обрезание. За всеми этими указами стояла одна цель: ассимилировать евреев среди остальных народов, уничтожить Израиль как нацию.

В ответ в 133 г. (согласно принятому ныне летоисчислению) разразилось новое восстание. Ведь на чашу весов было поставлено само существование еврейского народа под предводительством Шимон бен Косива (прозванного Бар-Кохва). Проявив организаторские и военные способности,

он в короткий срок создал боевые подвижные отряды и во главе их выбил римлян из страны, захватив Иерусалим. Однако в длительной упорной войне римлянам удалось ослабить и подорвать силы восставших. В конце концов еврейские отряды отступили и заперлись в укрепленной крепости Бейтар, неподалеку от столицы. Осада крепости продолжалась три с половиной года, до 136 года. Жестокость победителей не знала предела: по свидетельству Талмуда, из Бейтара не вышел живым ни один из его защитников. Но римляне на этом не успокоились - они запретили хоронить трупы погибших!

После взятия Бейтара новый наместник провинции Сирия, назначенный Римским сенатом, - Турнус Ропус - начал наводить в побежденной стране порядок. Он понял, что нельзя повторять ошибку Веспасиана - непокорный Израиль должен окончательно исчезнуть с лица земли, а для этого нужно лишить его Торы. Если Веспасиан разрешил еврейским мудрецам переехать в Явне и там учредить еврейскую академию, то отныне изучение Торы было строжайше запрещено!

Но раби Акива решил не сдаваться и продолжал публично преподавать Учение. Талмуд (трактат Брахот 61б) рассказывает, что некто Папос бен Йеуда спросил великого учителя: «Акива, ты не боишься властей?»

«Я расскажу тебе притчу, - ответил ему мудрец. - Однажды лисица заметила с берега, что в реке плещутся рыбы, причем плещутся так, будто спасаются от какой-то опасности. Так и оказалось. Лисица спросила: «От кого вы убегаете?» - «От сетей, которые поставили рыболовы», - ответили рыбы. На это лисица посоветовала: «Скорее вылезайте на берег, здесь нет сетей. Будем жить с вами мирно, как жили наши предки». Что ответили рыбы? Они ответили: «Про тебя, лисица, говорят, будто ты самая умная среди зверей. Но то, что ты предлагаешь, - глупость. Если даже в реке, где нам предназначено жить, мы оказались в такой беде, то что ожидает нас на суше?!»... Так и мы, - продолжал раби Акива. - Если сегодня, занимаясь Торой, а в ней - залог нашего существования, мы опасаемся за свою жизнь, то что ожидает нас завтра, когда мы, не дай Б-г, откажемся от нее?!»

В продолжении рассказа сообщается, что уже через несколько дней римляне схватили раби Акиву и заключили его в тюрьму. До поры до времени они ограничились заключением - то ли потому что запрет тогда был еще не очень строгим, то ли потому что какие-то уважаемые люди, которым власть доверяла, заступились за духовного вождя нации. Но за то короткое время, что раби Акива провел в тюрьме, положение резко ухудшилось. Римляне полностью запретили исполнение любой еврейской заповеди, в том числе издали запрет на *смиху* (так назывался акт передачи учителем ученику права принимать решения по любому вопросу еврейского закона). Только те ученики, которые прошли через этот обряд (они назывались *смухим*), могли стать членами Санедрина. Первым получил *смиху* от Моше его ученик - Йеошуа бин Нун, с тех пор ее передача не прерывалась. *Смиха* была как бы клеем, или даже цементом, при помощи которого связывались друг с другом поколения. Если бы не римляне, то, вполне возможно, наш рассказ представлял бы собой перечень ученых, построенный по очень простой схеме: такой-то передал *смиху* такому-то, тот такому-то и т. д. Однако так не произошло. В передаче *смихи* случился разрыв (но не в передаче знаний Торы!). И этим разрывом мы обязаны «великому римскому народу».

Больше всех заповедей Торы римлянами преследовалась именно *смиха*. Раби Акива, как свидетельствует Талмуд, не успел дать *смиху* своим последним ученикам - раби Меиру, раби Шимону, раби Йеуде, раби Йосе и раби Элазару. За него это сделал его товарищ - раби Йеуда бен Бава, за что и поплатился жизнью: его схватили на месте по доносу предателя и казнили. Но ученики, получившие *смиху*, успели убежать, после чего, скорее всего, покинули страну, укрывшись в Вавилонии.

Тем временем террор римлян достиг предела: исполнение абсолютно любой заповеди отныне каралось только смертью. В короткий срок были казнены тысячи людей - кто за публично съеденный кусок мацы, кто за прочтенный перед всеми отрывок Торы, кто за обрезание сына.

Тут римляне вспомнили, что в тюрьме сидит главный преступник - раби Акива, благословивший в свое время предводителя бунтовщиков и до последних дней продолжавший учить людей «злоступной» Торе. Без промедления было объявлено о его предстоящей казни - вместе с такими же «преступниками», как и он сам.

* * *

Умер император, ненавистник евреев, но еще несколько лет после смерти Адриана продолжались гонения, которые ослабли только к 142 году. Лишь тогда вернулись из изгнания ученики раби Акивы. Им предстояло восстанавливать разрушенное. Оказалось, что гибель Иерусалима и Храма, происшедшая полстолетия назад, не обернулась полной катастрофой для народа; более тяжким испытанием была сама война. В годы разрушения Храма изучение Торы не прекращалось ни на минуту. Почти все мудрецы находились тогда в Явне, где функционировала Центральная ешива, по своему значению не уступавшая иерусалимским ешивам Шама и Илеля и продолжавшая их дело. Но во время последней войны произошли трагические разрушения: ешивы стояли закрытыми, немногие оставшиеся в живых учителя и ученики скрывались кто где. Преподобное поколение наставников почти полностью исчезло. Поэтому небольшая группка учеников раби Акивы, вернувшись на родину и собравшись в галилейском городке Уша, воззвала к народу: «Кто учился - пусть придет обучать, кто не учился - пусть придет учиться!»

Впрочем, устроить постоянно действующую ешиву удалось не сразу - опасность еще не миновала, власти относились с подозрением ко всем еврейским начинаниям, лютые запреты все еще были формально не отменены. Поэтому пришедшие в Ушу разошлись вскоре по домам. Некоторые из них открыли свои небольшие ешивы, - в том числе раби Шимон бар Йохай, основавший ешиву в местечке Текоа. Кстати, там обучался будущий руководитель еврейского народа, одна из самых ярких личностей нашей национальной истории - раби Йеуда Анаси.

Мы приближаемся к концу эпохи танаев. Известно, что финал любой эпохи еврейской истории сопровождается появлением новых необычайно ярких имен - подобно тому как ярко вспыхивает пламя свечи прежде чем погаснуть. Так у евреев было всегда. Самой яркой личностью описываемого периода был ученик раби Шимона и раби Меира - раби Йеуда Анаси, о котором Талмуд говорит, что «со времен Моше не было никого, в ком до такой степени гармонично слились бы воедино Тора и человеческое величие». И до него среда еврейского народа изобиловала праведниками, полными знаниями и благими делами; всегда находились вожди, лидеры и герои, готовые к беспримерным подвигам самопожертвования во имя Торы. Но за весь этот период еще не приходил в мир человек, в котором бы так ярко проявились все положительные качества, присущие людскому роду.

Раби Йеуда, Рабейну Акадош, «Наш святой Учитель», или просто Раби, Учитель, - приходился по прямой отцовской линии внуком рабану Гамлиэлю из Явне, т. е. был седьмым поколением после великого Илеля, а значит, являлся прямым потомком царя Давида. По преданию, Раби родился в тот самый день, когда римляне казнили мученической смертью раби Акиву. Унаследовав от отца титул Наси, он стал признанным руководителем народа. Произошло это во второй половине второго века принятого летоисчисления. Заручившись поддержкой властей, сменивших гнев на милость, и ощущая поддержку со стороны народа, Раби решил, что настало время для осуществления самого важного проекта его жизни - окончательной записи всего свода Мишны. Он был уверен в том, что впереди его ждет несколько относительно спокойных лет.

Мишна

Со времени Моше-рабейну и до раби Йеуды Анаси не предпринималось попыток составить предназначенную для широкого изучения книгу, в которую бы вошли законы Устной Торы. И несмотря на то что в каждом поколении некоторые люди записывали сведения, полученные от учителей (например, так поступали многие пророки, руководители Санедрина и ешив), тем не менее дальше эти знания сообщались ученикам устно, потому что таков закон: Устная Тора передается только устно. Ее можно записать для себя, но не для передачи.

Тора - не физика и не философия; она - не раздел науки в принятом теперь смысле, когда под наукой понимают совокупность определенных знаний, которые надо сохранить и преумножить. Тора - это откровение Всевышнего, и передать это откровение можно от души к душе, без посредничества бумаги. Его нельзя почерпнуть из книг, его можно получить исключительно на Синае, - там, где оно дано. Но для этого существует только один путь - подключиться к непре-

рывной цепочке поколений, восходящей к Моше. Именно живая связь поколений, проникающая сквозь толщу времени, может привести нас к Синаю. Вот почему законы Торы не записывались. Чтобы выучить их, нужен живой человек, учитель, как необходимое звено в цепочке поколений: «учитель-ученик».

Однако раби Йеуда Анаси понимал, что настали времена, когда существованию этой цепочки стала грозить серьезная опасность. Поскольку устное учение «записано» в памяти мудреца, то с его смертью вместе с ним уходит и его учение. Правда, остаются другие знатоки Торы. Но что будет, если какие-то правители захотят уничтожить всех, как это произошло после восстания Бар Кохвы? Нельзя обольщаться временным затишьем и относительным спокойствием; неизвестно, что будет завтра. К тому же многие ученые, спасаясь от резни, покинули Эрец Исраэль и оказались отделенными друг от друга границами многих стран. В таких условиях передавать Устное учение без искажений стало почти невозможно.

Все эти доводы привели Раби и мудрецов его ешивы к единственному выводу: Устное учение необходимо записать. Важно отметить, что сам Раби и его единомышленники не были создателями Мишны. Она изучалась устно задолго до них на протяжении многих поколений. Со временем установилась определенная форма (не записи, но «произношения») законов, утвердились более или менее постоянные формулировки, - хотя в каждой ешиве они могли чем-то отличаться одна от другой. Ученики тщательно хранили формулировки, полученные от учителей, и передавали их дальше теми же словами. Сложилось деление общего текста Мишны на трактаты и разделы. Особый вклад в систематизацию Мишны внес раби Акива, как это отмечалось в предыдущей главе. Все, что оставалось сделать раби Йеуде Анаси, - собрать и отредактировать то, что дошло до него.

Устная Тора, передававшаяся полторы тысячи лет из уст в уста, была записана во времена раби Йеуды Анаси. Непрерывная цепочка поколений, соединяющая Раби Йеуду Анаси с поколением, получившим Тору на Синае, насчитывает 45 звеньев.

Еще раз повторим их:

Йеошуа бин Нун,
 Отниэль бен Кназ - Эуд бен Гера
 Шамгар - Двора-пророчица - Гидеон
 Авимелех - Тола - Яир Агилади
 Ифтах - Ивцан- Эйлон
 Авдон - Шимшон
 Эли Акоэн
 Шмуэль - Давид
 Ахия из Шило - Элияу Анави
 Элиша - Йояда Акоэн - Зехария - Ошея
 Амос - Йешаяу - Миха - Йоэль
 Нахум - Хавакук - Цфания
 Йирмеяу - Барух бен Нерия
 Эзра
 Мужаи Великого Собраниа
 Шимон Ацадик - Антигнос из Сохо
 Йоси бен Йоэзер и Йоси бен Йоханан
 Йеошуа бен Прахия и Нитай Арбели
 Йеуда бен Табай и Шимон бен
 Шетах - Шмая и Автальон
 Илель и Шамай
 рабан Йоханан бен Закай
 раби Элизер и раби Йеошуа - раби Акива
 раби Меир и раби Шимон
 раби Йеуда Анаси.

О том, кто были эти люди, мы уже рассказали, хотя рассказ о каждом из них получился лаконичным. Но даже из приведенного видно, что они отличались необычайной скромностью, невероятным усердием и самоотверженностью в изучении Торы, любовью к людям, а также страхом утратить хотя бы каплю той живительной влаги, которой Всевышний напоил наш народ на Синае. И главное, всех их объединяла безграничная тяга к познанию истины и готовность пожертвовать собой во имя ее достижения.

Талмуд (трактат Псахим 22б) говорит, что ивритское слово *ЭТ*, часто упоминаемое в Торе перед прямым дополнением, следует понимать как расширение последующего понятия. Само по себе это слово иногда употребляется в значении соединительного союза «с». Но перед прямым дополнением оно выступает в качестве непереводаемой служебной частицы, например: «Вначале сотворил Б-г небо и землю» - «*ЭТ ашмаимм вэ-ЭТ аарец*». Впрочем, прямое дополнение может быть образовано и без этой частицы, правила языка это разрешают. Тогда почему в некоторых случаях Тора пользуется частицей *ЭТ*?

Ученый по имени Шимон Амсуни ответил: «чтобы добавить к прямому дополнению нечто второстепенное, связанное с ним». Так, в приведенном примере следует понимать, что вначале Всевышний сотворил небеса со всем их воинством и землю вместе со всем, что наполняет ее недра.

Но если быть последовательным, то таким же образом нужно толковать каждый стих, в котором упомянута частица *ЭТ*. Как правило, это возможно. Например: «И познал Адам Хаву, свою жену; она зачала, родила Каина и сказала: приобрела я человека с Г-сподом»? В данной фразе частица *ЭТ* упомянута три раза. Это учит, - объяснял раби Шимон Амсуни, что вместе с сыновьями Адама рождались их сестры-близнецы: с Каином - одна, с Эвелем - две (что создало известную напряженность между братьями).

И так он объяснял стихи по всей Торе, пока не добрался до стиха: «*ЭТ Ашем Элокеха тира*» - «Бойся Г-спода, своего Б-га». Но здесь прибавление кого бы то ни было к Всевышнему явится нарушением основного принципа Торы, говорящего о единстве Б-га. Рядом с Ним никого нельзя поставить!

Раби Шимон Амсуни не смутился: «Если так, значит, мое толкование неверно!» Ученики спросили его, как же быть с остальными местами в Торе, в которых он толковал *ЭТ* как добавление к сказанному чего-то второстепенного? Мудрец ответил: «Как получил я награду за толкование, так получу награду и за отказ от него».

Каждый по себе знает, как трудно признавать ошибки. Да еще в зрелом возрасте. Да еще будучи всеми уважаемым и почитаемым ученым! В особенности, когда разговор идет не об отдельном случае, а об основополагающем принципе, на котором была построена целая система. Скорее всего, для раби Шимона Амсуни открытие одного правила в толковании Торы было делом всей жизни. Представьте, что Альберт Эйнштейн вдруг отрекся под конец жизни от ВСЕЙ своей теории относительности только потому, что она не смогла объяснить какое-то одно единственное явление!

Раби Шимон Амсуни отрекся от своей теории, несмотря на то что он построил на ней целое здание, включавшее многие толкования закона. После этого он был вынужден искать всех учеников, которым когда-то давал уроки на основе своей теории, и объяснять им, что ошибся. Он был человеком, а не ангелом. А сердце человека всегда стремится отыскать любое средство, позволяющее остаться при своем мнении. Но мудрец отказался от своей трактовки, как только убедился, что она не всегда работает.

Отказавшись от своего правила, он не оставил после себя вакуум в теории, поскольку был знаком с точкой зрения раби Акивы. Раби Акива и его последователи этот проблематичный стих трактовали так: частица *ЭТ* в нем превозносит мудрецов Торы, перед которыми следует благоговеть. Благоговение перед ними можно включить в контекст этого стиха («Бойся Г-спода, своего Б-га» - и Его мудрецов), потому что воля Б-га известна нам только по традиции, которую мудрецы донесли до нас от Синая.

Все это раби Шимон Амсуни, наверное, знал. Но такое толкование казалось ему несколько натянутым, а спасать свою теорию «натянутым» ответом он не собирался. Истина - превыше всего! Ради нее можно зачеркнуть всю прожитую жизнь.

Раби Шимон Амсуни не был уникален. Такое же качество было свойственно практически всем нашим мудрецам. Раби Акива прав: перед такими людьми нужно испытывать благоговейный трепет.

Эпоха Амораев

Во многих уважаемых книгах можно прочесть, что Вавилония в духовном плане, если смотреть на нее с точки зрения евреев, являла собой чуть ли не пустыню, и только с приездом ученика раби Йеуды Анаси, которого звали Рав, в ней открылись ешивы и началось серьезное изучение Торы. Но тот, кто знаком с талмудическими источниками, знает, насколько это утверждение, мягко скажем, далеко от истины. Еще с момента прихода евреев в Междуречье после разрушения Первого храма («Вавилонское пленение») весомая часть народа проживала именно там. Местные евреи пользовались полной автономией, полученной от благосклонно к ним относящихся персидских властей. Во главе еврейской общины стоял *Реш Галута* (глава изгнанников), которого выбирали из потомков царского рода Давида. Раввинские суды пользовались самыми широкими полномочиями, всюду стояли синагоги, школы и ешивы. Как видим, в Вавилонии никогда не умолкал голос Торы. Более того, крупные вавилонские мудрецы нередко отправлялись в Эрец Исраэль затем, чтобы принять участие в работе тамошних ешив. Так поступил Илель, основатель великого рода, получивший вскоре после «алии» в Израиль пост Наси. Так сделал известный мудрец по имени раби Хия, который стал правой рукой раби Йеуды Анаси.

Вместе с раби Хией в Эрец Исраэль прибыл из Вавилона его молодой племянник - раби Аба, которого за исключительные таланты вскоре прозвали просто Рав. Быстро выдвинувшись среди товарищей, он удостоился сидеть в первых рядах перед Раби (напоминаем, так коротко звали раби Йеуду Анаси). Рав так жарко дискутировал с Раби, что присутствующим иногда казалось, что во время спора между ними пробегают искры. Несмотря на молодость Рава, Раби включил его в состав Высшего совета, разрешавшего спорные вопросы путем голосования. После смерти учителя Рав еще долгое время оставался в Эрец Исраэль, находясь среди тех, кто окружал его внука, раби Йеуду Несиа. И только в 219 году решил окончательно вернуться в Вавилонию. Не совсем ясно, что привело его к такому решению, - быть может, он предвидел, что, вследствие общего ухудшения положения в Святой земле, никакого будущего у Торы в ней нет.

Переехав в Вавилонию, Рав направился на север страны, в места новых еврейских поселений. Вскоре он открыл ешиву в городе Сура, и к нему стали стекаться ученики со всех концов страны. Рав не только преподавал в ешиве. Выполнял он, как сейчас говорят, и общественные функции, в частности, много времени проводил в суде. Вот один эпизод из его судебной практики. Как-то грузчики во время переноски по халатности разбили большую бочку вина, принадлежавшую одному из ученых, и тот в возмещение ущерба отнял у них верхнюю одежду. Грузчики пожаловались Раву. Выслушав дело, тот велел хозяину бочки вернуть конфискованное платье. «Разве это по закону?» - удивился ученый. «Да, - ответил Рав, - ибо сказано (Мишлей 2:20): «Чтобы ходил ты путем добрых...» Тем самым он объяснил, что Тора требует от нас не настаивать на своих правах, а уступать бедным и слабым, выходя за рамки строгого закона. И тем более так надо поступать ученому, посвятившему себя изучению Торы. Но на том дело не кончилось - грузчики тут же в суде выдвинули вторую жалобу: сегодня они ничего не заработали, провозившись со злополучной бочкой, - утро прошло, и теперь их никто не наймет. «Заплати им, - велел Рав владельцу бочки, - ибо таков закон; как сказано (в продолжении того же стиха): «Чтобы держался ты стезей праведников»...

На посту руководителя Сурской ешивы Рав находился вплоть до своей смерти в 247 году. После него единственным главой всего поколения стал другой ученик раби Йеуды Анаси, Шмуэль. Теперь все мудрецы съезжались к Шмуэлю в город Наардея, а ешива в Суре на время превратилась в рядовое учебное заведение, в котором обучалась молодежь. Так продолжалось до смерти Шмуэля в 254 году.

Когда Шмуэль умер, мудрецы единодушно выбрали своим руководителем рава Уну, лучшего из учеников Рава. Все эти годы рава Уна не покидал Суры, своего родного города. Поэтому туда и возвращается из Наардеи Центральная метивта. И очень своевременно - поскольку не проходит и двух лет как Наардея, расположенная вблизи границы, разрушается во время вспыхнувшей войны. Во главе Наардейской ешивы, переехавшей в соседний город Пумбедиту, встает рава Йеуда. Но «монополия» Суры в те годы никем не оспаривается.

После смерти рава Уны в 297 году его преемником был избран рав Йеуда, и центральная метивта вновь покинула Суру. Центр изучения Торы переместился в Пумбедиту. Заглядывая вперед, скажем, что ешива в Пумбедите простояла в течение восьмисот лет.

От своего учителя Шмуэля рав Йеуда получил прозвище *Шинана*, что значит острый, отточенный, изощренный: в преподавании он оттачивал мозги своих учеников, как точат нож на оселке. Лучше всего для подобной «острой» учебы подходили трактаты Мишны из раздела Незикин, в которых рассматриваются вопросы, главным образом, имущественного права. Именно этим трактатам посвящалось основное время занятий.

Метод преподавания рава Йеуды принят последующими поколениями, так что и сегодня десятилетние еврейские мальчики, посещающие хедер, начинают изучать Талмуд именно с указанных трактатов. Человек несведущий может удивиться, зачем детям разбирать вопросы о ссудах, векселях, материальном ущербе и наследстве. Но дело в том, что на этом материале наилучшим образом развивается абстрактное мышление, которым всегда славилась «еврейские головы».

Со смертью рава Йеуды снова возникла старая как мир проблема - кого избрать на его место. Достойных кандидатур было две: Раба и рав Йосеф, два неразлучных друга, оба ученики рава Уны. Каждый обладал своими преимуществами. Рав Йосеф славился энциклопедическими знаниями; о нем говорили, будто Мишна со всеми пояснениями аккуратно разложена в его уме по полочкам, будто только вчера получены на Синае. Раба бар Нахмани уступал ему в широте познаний, но зато владел острым, как скальпель, аналитическим умом. Перед его мышлением ничто не могло устоять, своей диалектикой он сдвигал горы с места (подразумеваются горы Талмуда, а не заурядные складки земной коры). Кого из них предпочесть? Дилемма, вставшая перед мудрецами, казалась неразрешимой. Поэтому они обратились за помощью к корифеям Эрец Исраэль: «Кто лучше - Синай или Двигающий горы?» Пришел ответ: «Лучше Синай, ибо в хлебе нуждаются все!» (Здесь хлеб - это информация, знания, то, что учат и передают дальше.) Казалось, трудность преодолена, как вдруг выяснилось, что рав Йосеф отказывается принять предлагаемый ему пост - по причине, нам уже знакомой: он считал своего товарища более достойным на роль руководителя ешивы. Обратились к Рабе бар Нахмани, но и тот заупрямился. Лишь после долгих переговоров, видя, что продолжительное отсутствие главы метивты вредит изучению Торы, скрепя сердце, Раба принял предложение. Двадцать два года он простоял во главе мудрецов. Будучи непреклонным и бескомпромиссным руководителем, Раба нажил себе много противников. Кончилось тем, что те донесли на него персидским властям: мол, два раза в году он и его помощники отвлекают тысячи людей от работы, причиняя тем самым ущерб царской казне. Власти забеспокоились, Рабе пришлось бежать, во время побега он умер.

Важнейший пост главы Центральной ешивы Вавилонии принес ему большой почет, но не материальный достаток. Как и в былые времена, глава мудрецов бедствовал: в его доме не всегда ели ячменный хлеб, пшеничный вообще считался роскошью. И несмотря на нищету, когда нечем было кормить собственных детей, Раба принял на воспитание сироту, своего племянника, которого звали Абае. Последнему было суждено стать вождем следующего поколения. Правда, некоторое время после смерти Рабы во главе метивты в Пумбедите стоял рав Йосеф, другой учитель Абае. О раве Йосефе мы уже рассказывали. Когда он скончался, ему наследовал Абае.

С именами Абае и его извечного оппонента Рава сталкивался всякий, кто хоть раз учил Талмуд. Все его страницы полны дискуссиями мудрецов, но чаще всего встречаются именно блестящие споры-поединки между Абае и Равой. Для многих их имена неразрывно слились с самим понятием слова Талмуд. Талмудическая диалектика достигла в их годы небывалых высот. Каждое слово, сказанное первыми амораями по поводу содержания Мишны, проходило тщательную проверку. Прежде всего выяснялось, не противоречит ли амора сам себе (т. е. своим высказываниям по другому поводу) и не противоречат ли его слова какому-либо общепринятому положению Мишны. Одни мудрецы цитировали те места, в которых, на первый взгляд, могли обнаружиться противоречия, другие - парировали их примеры с помощью тонкого анализа и определения различий. Так устранялись несоответствия. Затем выяснялось, можно ли почерпнуть из других мест Мишны доказательства по поводу данного суждения. Недостаточно убедительные доказательства, не удовлетворявшие строгим критериям отбора, отбрасывались. Проверялась и степень новизны каждо-

го утверждения: что нового оно содержит по сравнению с уже сказанным в Мишне? Дальше. Если высказывание несет в себе аргументы и доказательства, выяснялось, почему приведены именно эти аргументы, а не другие, иногда, на первый взгляд, более удачные. Наконец, сравнивались различные версии каждого высказывания, если таковые имелись. При этом выяснялось, кроются ли за ними расхождения во мнениях, и с помощью той же диалектики определялось, какая из версий верна, а какая ошибочна. В конце концов сталкивались различные мнения амораев, чтобы окончательно решить, каким должен быть алахический вывод на практике.

Ничто не принималось на веру. Все выяснялось и анализировалось, переакцентировалось, гнулось на разрыв и на излом и снова составлялось. Мудрецы, дискутировавшие друг с другом, доходили до источников любой проблемы. Так, в процессе обсуждения раз за разом вскрывались все более глубокие пласты понимания истины, которые простым, «неталмудическим», способом изучения не были бы обнаружены.

Но мало того, что вся эта колоссальная работа велась для того, чтобы выявить, закрепить и передать дальше весь полученный материал. Сам процесс этой работы тоже был скрупулезно зафиксирован. Другими словами, Абае и Рава вывели весь ход проверки высказываний со всеми сопутствующими спорами и доказательствами для того, чтобы он изучался последующими поколениями в твердо установленной форме вместе с Мишной.

Собранный ими материал, разъясняющий Мишну, получил название Гемара. Вместе Гемара и Мишна составляют Талмуд.

Абае умер около 338 года, после чего главой мудрецов был избран его друг и оппонент Рава. Центральная метивта отныне собиралась в родном городе Рава - в Мехозе, неподалеку от Пумбедиты. Подобно многим жителям своего города Рава был небедным человеком и тратил значительные средства на помощь нищим. Талмуд рассказывает, как однажды, пригласив к себе нищего, он спросил его, чем тот обычно обедает (что ему дают те, кто приглашают его на обед). «Откормленной курицей и старым вином!» - ответил бродяга. «Не находишь ли ты, что такой пир дорого обходится тем, кто тебя кормят?» - вполне серьезно спросил Рава. «Разве я питаюсь за ваш счет?» - ответил нищий, ничуть не смущаясь. - Меня кормит Всевышний; как сказано: «Ты всем даешь пищу вовремя!» В этот момент в комнату вошла сестра Рава, с которой тот не виделся много лет. Они обменялись приветствиями, и сестра радостно сообщила, что привезла особое угощение - откормленную курицу и бутылку старого вина. Рава тут же распорядился отдать это угощение своему гостю...

После смерти Рава в 352 году наследника ему не нашлось. Около двадцати лет центральная ешива не функционировала. Работа центральной ешивы возобновилась только в 371 году. Возглавил ее рав Аши, а его правой рукой стал более старший годами Равина, ученик Рава. Сам рав Аши успел поучиться в Пумбедитской ешиве еще при жизни Рава, а затем учился по очереди практически у всех крупных мудрецов своего поколения, что дало ему обширные и всесторонние знания. Будучи еще сравнительно молодым человеком, он был избран главой центральной метивты, которая обосновалась на севере страны, в районе Суры, в родном городе рава Аши - Мата-Мехасья. Благодаря тому, что туда стекались мудрецы из всех ешив, рав Аши получил прекрасную возможность завершить работу по составлению Гемары. Собственно говоря, основную часть работы проделало предыдущее поколение амораев, однако рав Аши и его товарищи думали не о составлении Гемары, а о ее ЗАПИСИ, с тем, чтобы она стала впоследствии главным источником изучения Торы. Для этого нужно было собрать ВСЕХ ученых того времени и обсудить каждое утверждение, каждый аргумент, каждое возражение и вывод. Тогда любое слово в общем обширном своде будет записано с согласия всех мудрецов Израиля. Так и произошло - под началом рава Аши собрались все ученые поколения - и работа закипела. Текст Талмуда полностью систематизировали, установив для него окончательную форму. Отныне и навеки он мог быть исчерпывающим источником Устной Торы для всех следующих поколений. Впрочем, судя по некоторым источникам, во времена рава Аши Талмуд еще не был записан окончательно, но его текст уже был установлен и канонизирован, и ученики твердили его наизусть, как в свое время Мишну.

Рав Аши прославился своим долголетием: около шестидесяти лет он стоял во главе вавилонских мудрецов, что позволило ему завершить огромную работу по систематизации всей Устной

Торы. В истории известны люди, взявшиеся совершить великие проекты, но так и не достигшие цели из-за преждевременной смерти. Провидение хранило рава Аши и позволило ему руководить всем гигантским трудом по составлению Талмуда - вплоть до дня его завершения. Умер великий кодификатор в 427 году.

На пост главы метивты встал сначала его сын - Мар бар рав Аши, а затем - Раба (не путать с Рабой бар Нахмани), ученик рава Аши, прозванный Тосфа, что в переводе значит «Прибавляющий». Скорее всего, назвали его так потому, что под его началом в текст Гемары были внесены добавления. То были высказывания рава Аши, Равины и других представителей последнего поколения амораев, мудрецов Талмуда. Эти добавления представляли собой очень краткие разъяснения, необходимые для понимания дискуссии, либо такие же замечания относительно принятия алахи по рассматриваемому вопросу.

Со смертью Рабы-Тосфы и его товарища Равины Второго заканчивается эпоха амораев. Обычно при этом указывается дата - 500 год. Но точный анализ показывает, что Равина Второй, последний из учеников рава Аши, умер в 475 году.

Итак, великолепное и величественное здание Талмуда завершено. Отныне еврей и Талмуд неразлучны. Везде, где оказывается еврей, а ему пришлось побывать за сотни лет скитаний во многих странах, - его сопровождает Талмуд. Еврей живет и трудится, устраивается на новом месте, собирается в дорогу, рождает детей; но всегда и везде, закончив работу в поле или мастерской, отерев пот с лица, он каждый день хотя бы на час заходит в это прекрасное здание и тут же оказывается в гуще самых жарких баталий, которые когда-то сотрясали стены вавилонских академий. Еврей не хочет покидать это здание, но жизнь зовет, отвлекает, и он с сожалением закрывает том Талмуда, чтобы завтра снова вернуться к нему. Впрочем, многие так и остаются в нем, не отвлекаясь ни на какие соблазны внешнего, быстротекущего существования. Многие посвящают изучению этого здания всю жизнь, с наслаждением блуждая по его зовущим лабиринтам, вслушиваясь в голоса великих учителей, теряя и снова находя спасительную нить их диалога. Они РАЗГОВАРИВАЮТ с ними, спорят. Они живут в этой великой книге.

Ни одна другая книга на земле не вызывала и не вызывает к себе такой пламенной любви, какую евреи испытывают к Талмуду. Ни одна книга не породила к себе такой лютой ненависти, не была столько раз запрещена, конфискована и сжигана, как наш Талмуд. Сколько наветов, наговоров и враждебных чудовищных вымыслов он выслушал в свой адрес! Какую встречал любовь - восторженную и самоотверженную!

Судьбы еврея и Талмуда неразделимы. Как еврей прошел сквозь страшные испытания и никто не сумел его уничтожить, так и Талмуд оказался неуничтожимым. Сегодня, как и полторы тысячи лет назад, сразу после его завершения, звучат на устах нашего народа имена раби Акивы и раби Меира, раби Йоханана и Реш-Лакиша, Абае и Равы. В самых разных уголках планеты их споры влекут к себе десятки тысяч еврейских умов и сердец. Удивительная книга, неповторимая, вечная.

Но в чем тайна ее вечности?

* * *

О цепочке поколений, соединяющей нас с мудрецами Талмуда,
читайте в книге «От Синая до наших дней»